

**Иван Диомидович Попко
Прокопий Петрович Короленко
Черноморские казаки (сборник)
Серия «История казачества»**

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6028891

Черноморские казаки / Черноморские казаки в их гражданском и военном быту / И.Д. Попко;

Черноморцы / П.П. Короленко.: Вече; Москва; 2009

ISBN 978-5-9533-3672-7

Аннотация

...Безвозвратно канула в прошлое упраздненная, позабытая Запорожская Сечь. Но не погиб казачий дух на южных рубежах России. И в 1787 году бывший запорожец Сидор Билый вновь собирает вольные казачьи команды – меж Бугом и Днестром, у рубежей Новороссийской провинции. Через пять лет пришлось казакам перебираться на Кубань, где и родилось Черноморское Казачье Войско. А в XIX веке его летописцами стали легендарные казачьи историки – Иван Диомидович Попко и Прокопий Петрович Короленко. Их-то труды, давно ставшие библиографической редкостью, и составили эту книгу – бесценный подарок ревнителям истории Отечества.

Содержание

И.Д. Попко	4
Часть первая[1]	4
Рассказ первый	4
Рассказ второй	11
Рассказ третий	13
Рассказ четвертый	15
Рассказ пятый	19
Рассказ шестой	29
Рассказ седьмой	41
Рассказ восьмой	47
Рассказ девятый	50
Рассказ десятый	53
Конец ознакомительного фрагмента.	60

И.Д. Попко, П.П. Короленко

Черноморские казаки (сборник)

И.Д. Попко

Черноморские казаки в их гражданском и военном быту

Часть первая¹

Черноморские казаки в их гражданском и военном быту

Рассказ первый

Топографический очерк Черноморья

Кавказская линия делится на два крыла: одно из них достигает до Черного, другое до Каспийского моря. Естественной чертой тому и другому крылу служат две первостепенные реки, берущие свое начало от одной полосы вечных снегов и одинаково окаймляющие северную покатость Кавказских гор, но текущие в противоположных, одна от другой, направлениях и развивающиеся до противоположных оконечностей горного хребта. Это Кубань и Терек. Первая собирает на пути своем и уносит воды гор в Черное, последний – в Каспийское море.

По течению Кубани простирается правое, по течению Терека левое крыло.

Содержание Кавказской линии разделено, неравными долями, между двумя поселенными казачьими войсками: Кавказским и Черноморским. Все левое и большая половина правого крыла, или, другими словами, больше двух третей всей линии, заняты кавказскими; остальное же протяжение правого крыла, до самого окончания линии над Черным морем – Черноморскими казаками. Хотя населенность и военный состав обоих войск почти одинаковы, но поселение кавказских казаков растянута в длинную, более или менее узкую полосу, – между тем как Черноморские казаки занимают своим поселением глубокую, почти круглую площадь, известную на Кавказе под именем *Черноморья* (45° сев. шир. и 36° вост. долг. от о. Ферро²).

Как нераздельная часть Кавказского перешейка, Черноморье сливается, на восток, с Землей Кавказского казачьего войска и Ставропольской губернии. На юг река Кубань отделяет его от пространств, обитаемых кавказскими народами Черкесского, или Адигского племени: абадзехами, шапсугами, бжедугами, женейцами и натхокаджами. С юго-запада омывается оно Черным морем, а с запада Керченский (Таврический) пролив отрезывает его от Крыма. Дальнейшим оттуда рубежом, наискось, на северо-восток, тянется излучистый берег Азовского моря, оканчивающийся крутым заворотом от северо-востока прямо к востоку.

¹ В книге частично сохранены стилистика, пунктуация, написание географических названий XIX века.

² Соседственные горы называют Черноморье *Боткале*, а все остальное Подкавказье просто – Московия. Название Боткале перешло к горцам от крымских татар, которые величали этим, не слишком блистательным, прозвищем Запорожье. Боткале значит собственно: обиталище кашников, кашня.

Остальное в этом направлении продолжение северного рубежа Черноморья совпадает с южной границей Ростовского уезда Екатеринославской губернии и Черкасского округа Донского войска. Живой межей проходит по этой черте речка Ея.

Длина Черноморья, по почтовой дороге из Ставрополя на Керчь, простирается до 250, а ширина, по другой, перпендикулярной к первой, почтовой дороге из Ростовского уезда на Екатеринодар – до 200 верст.

По сделанному недавно измерению вся вообще поверхность земли Черноморских казаков заключает в себе 28 000 кв. верст, или 2 900 000 десятин. (В этом числе неудобной земли 600 000 десятин.)

По числу жителей, считая оба пола, приходится на каждую кв. версту около семи душ, или на каждую душу – около шестнадцати десятин.

Небольшое пространство края, к стороне Крыма, вышло отдельным клином промежду морских и кубанских вод. Это Таманский остров, лоскут земли в 95 973 десятины. Поверхность его холмиста и возвышена над морским уровнем на 85 футов. Сюда Кавказ отбрасывает крайние свои северо-западные отроги. Западный берег Таманского острова и противоположный ему берег Таврического полуострова так сходны между собой в наружном виде и внутреннем строении, как две части разломленной пополам глыбы земли.

За исключением Таманского острова, все остальное пространство Черноморья состоит из гладкой и очень мало приподнятой над морем равнины, или из одного необозримого луга, слегка покатого к берегам Азовского моря, открытого на восток и на север и обойденного с остальных сторон водами и болотами. По направлению общего поката к Азовскому морю равнинная поверхность Черноморья прорезана множеством балок (плоскодонных оврагов), сухих и мокрых. Последние, как способные задерживать воду, носят название речек. Пересмотрим их, одну за другой, от севера к югу.

Речка *Ея*, больше других обильная водой и приводящая в движение наибольшее число мельничных поставов, берет свое начало в Ставропольской губернии и, проходя живой межей на севере Черноморья, впадает широко разработанным устьем в Ейский залив Азовского моря. Левым, или внутренним, своим берегом принимает она многие притоки, из которых более замечательны по своему протяжению Сасык и Кугуея.

Ясени берется у куреня Староминского и исчезает в ясенских соляных озерах. Накатом своих вод она вредит иногда садке соли на поверхности тех озер.

Албаши берется на одной высоте с Ясениями; *Чолбасы*, принимающая в себя множество притоков, достает своей вершиной до станицы Темижбекской Кавказского войска. Обе эти речки, не дойдя до моря, как будто встретили ряд ископанных в степи ям и, наполнив их своими скудными водами, одна с одной, другая с другой стороны, образовали цепь лиманов, в числе пяти. Из них более значительны по величине Чолбасский и Куцеватый. От последнего отделяется слабая нить болотной воды, прикрепляющая всю цепь к Бейсужскому заливу Азовского моря.

Три *Бейсуга*, Великий, Средний и Малый, выходят из Земли Кавказского войска; не доходя моря, сливаются в Лебязем лимане и уходят оттуда одним общим руслом в Бейсужский залив. Эти три Бейсуга, с многочисленными их ветвями, преимущественно отличаются болотистым свойством своих русл и вод.

Лебязий лиман, наполняемый водами Бейсугов и имеющий вид лебеда, круто выгнувшего шею, описывает своими искривлениями два небольших полуострова, на которых находится Николаевская пустынь.

Керпили и впадающие в них *Кочети* также вытекают из Земли Кавказского войска, излучисто пробегают лучшую местность степи и, в некотором расстоянии от моря, наполняют лиман Керпильский. Болотистая, покрытая дремучим камышом полоса связывает этот лиман с Ахтарским заливом Азовского моря. Воды Керпилей довольно свежи, и вид их живо-

писен. Прекрасна здесь весна, отраден летний вечер. Это цветная лента на угрюмом челе степи. Высокие берега реки усеяны курганами, выше которых нет по другим речкам. Курганы зеленеют, как купы пальм в пустыне, а вокруг них разостланы ковры из воронцу и горичвету. На их остроконечную вершину любит взъезжать удалой табунщик. Отсюда ему видно, как вдалеке с разбросанными по ветру гривами несутся к водопою вольные табунные кони. Отсюда же видны и синие Кавказские горы. Много старшин, служивших там боевую службу Государеву, окончили свои усталые дни на приветливых берегах Керпилей. *И холмы радости препояшутся:* и на холмах этих же берегов опочила благодать Божья. Здесь, сквозь степную сизую мглу, дымится молитвенное кадило Мариинской пустыни. Наконец, *Понура* берется близь куреня Динского и, чрез пятьдесят верст протяжения, у куреня Поповичевского, поглощается лиманом, расплывшимся на несколько рукавов и совершенно утратившим связь с приморскими водами.

Нельзя не обратить здесь внимания на одну особенность, именно, что пересмотренные нами речки, в известном расстоянии от моря, сходятся к отдельно лежащим котловинам и наводняют их, как будто трубы, приведенные к прудам, — и что каждая из этих котловин, или прудов, к стороне морского берега, имеет кран, которым избыток набираемой воды стекает в море.

И вот мы уже приблизились к южной и главной реке — Кубани. «Вот, вот она, вот русская граница!»

Кубань, по-черкесски Пшиз, «князь рек», в древности Варданус и Гипанис, берет свое начало от подблачных снегов Эльбруса. (У черкес «Осшумаф», холм счастья.) Служа чертой правому крылу Кавказской линии, она двумя третями своего течения орошает Землю Кавказских казаков с прилегающим к ней нагорьем, и только одной низовой третью, на протяжении 250 верст, омывает южную окраину Черноморья. Приняв в своем верховом и среднем течении большие притоки: Малый Зеленчук, Большой Зеленчук, Уруп и, наконец, Лабу, она приходит к Черноморцам рекой значительной, имеющей ширины, в средних берегах, шестьдесят сажень. По продолжению Черноморья, падают в нее с нагорной же стороны: Белая, по-черкесски Шевгаше, почти равняющаяся Лабе своим двухсотверстным протяжением, — далее Пшиш, Псепс, Афипс, или Яриок, Адакум и другие мелкие притоки. Эти последние, скатившись на плоскость, теряют свои берега и расплываются озерами и болотами. Приняв такую массу горных вод, Кубань относит их в моря Черное и Азовское, в первое главным течением, а в последнее рукавом, называемым Протока, или Кумли-Кубань (песчаная Кубань).

Протока, имеющая вид и направление искусственного канала, ответвляется от Кубани у поста Старый Копыл, за 130 верст до впадения главного течения в Черное море. Сделав крутой поворот от главного течения вправо, на север, она отрезывает степное Черноморье от Таманского острова и имеет протяжения от своей копыльской вершины до впадения в Азовское море около ста верст. В этот рукав Кубань сбывает почти половину своих вод. Но этого не довольно: от правого берега ее, на значительных один от другого расстояниях, отделяются еще второстепенные каналы — «ерики», также направляющиеся к Азовскому морю, которое как будто оспаривает кубанские воды у Черного моря. Ерики *Казачий* и *Энгелик* ответвляются выше, *Калаус* и *Куркой* — ниже Протоки. Вершины их засорены и набирают воду из Кубани только во время весеннего ее разлития. Из них ни один не достигает главного азовского бассейна, как Протока, но все поглощаются передовыми его лиманами. Лиманы эти бесчисленны и разбросаны в самом разнообразном беспорядке, будто валы, выкатившиеся из моря и в него не возвратившиеся. Ближайшие к морю имеют связь с ним, дальнейшие наполняются боковыми отраслями Протоки, которой заимствованные воды дробятся и видоизменяются до бесконечности. Это жила, отворенная в бесчисленных местах. Из лима-

нов протоцкой путаницы более замечательны, по своей обширности и глубине, *Чебургольский* и *Красногольский*.

На перерезанном Протокой, низменном поперечнике между Кубанью и Азовским морем, где ныне раскинулось одно задвинутое камышами и не обнимаемое глазом болото, с частыми оазами открытой воды и сухой земли, кипел когда-то огромный гидравлический труд. Задачей его могло быть исполинское усилие оттянуть излишек вод Кубани к азовскому бассейну, чтоб обеспечить прилегающие к Кубани с обеих сторон удоны от наводнений. По преданию, над этой водной сетью работали тысячи пленников, уводимых крымцами из погромов Руси и Польши. Работа с плачем и проклятием не пошла впрок: где падали слезы невольников, там все взялось тиной и плесенью. В настоящее время не только восстановление развалин этой сложной канализации, но даже отыскание в них системы и смысла стоило бы нелегких трудов. Набрались беды «ланцюжники» (землемеры), пока перетянули чрез этот хаос свою цепь.

Немного выше того места, где Протока отложила от Кубани, а именно у поста Славянского, Кубань разорвалась на два параллельные течения и, слившись вновь, верстах в шестидесяти ниже точки своего разъединения, образовала продолговатый и низменный *Каракубанский остров*, имеющий в поперечнике он трех до семи верст пространства. Течение по левую, то есть внешнюю, обращенную к горам, сторону острова, составляет реку *Кара-Кубань* (побочная Кубань), которая гораздо шире и глубже, чем течение по правую сторону, почти уже пересохшее, но все еще удерживающее за собой название «старой Кубани».

Между холмами Таманского острова Кубань образовала из своих разливов четыре обширные и живописные вместилища вод. Это лиманы: Ахданизовский, Кизилташский, Цокуров и Бугазский. Первый больше других и лежит отдельно, а три последние сцеплены гирлами³. Лиман Ахданизовский очень глубок. Это должен быть провал вулканического происхождения, залитый водами Кубани. На западном берегу его возвышается конусообразная гора с отверстием на вершине. Когда лиман волнуется, из отверстия горы выскакивает жидкий пепловидный ил, – как будто внутри горы работает помпа. Не ясно ли обнаруживается здесь присутствие вулкана, погашенного вторжением вод?

Поверхность Ахданизовского лимана в спокойном состоянии белеет и блестит, как полотно, – от чего и получил этот лиман настоящее свое наименование: ахданиз значит «белое море». Он имел когда-то два широких судоходных сообщения с Азовским морем: одно близ куреня Темрюцкого, а другое – Ахданизовского. Теперь от этих засоренных проливов остаются лишь узкие гирла, которыми воды лимана втекают в море.

Созвездие лиманов Кизилташского, Цокурова и Бугазского составляет последнее низовое течение Кубани, расплывавшееся от вулканических потрясений окрестной местности. Из крайнего лимана Бугазского вытянулось гирло Бугазское – последняя дверь, которой «князь рек» входит в чертог Черного моря.

Кубань протекает вдоль известного протяжения Кавказского хребта желобом, куда скатываются с северного склона хребта горные реки и ручьи...

Со ребр его текут вниз реки,
Пред ним мелькают дни и веки.

От бокового напора перпендикулярных притоков ее хватают судороги, она излучивает и ломает свое течение. Здесь она вздулась и залила прибрежный удол; там перемежилась и обнажила свое перебуравленное ложе – полосу подвижных илисто-песчаных горбин и

³ Лиманом называется озеро, имеющее связь с другими озерами или с морем. Узкий и короткий пролив, посредством которого лиман с лиманом или с морем связывается, называется гирло, то есть горло, gorge.

впадин; здесь подгрызла и поглотила целый утес, а там произвела на свет островок, который быстро разрастается в остров и покрывается лесной и камышовой растительностью. Не удерживая в равновесии несомых ею вод, она то и дело меняет свою колею, имея одинаковое, закону отражения подчиненное, уклонение от правого берега к левому, от степей к горам. И за сколько верст уже она оставила гребень древнего своего правого берега! Эта непостоянная горная река влечет с собой две главнейшие невыгоды для края: она не допускает к своим вольным, изменчивым водам судоходства и производит своими беспорядочными разливами топи и болота, которые, затрудняя во многих местах сухопутные сообщения, отравляют воздух вредными испарениями и наполняют его неприятными насекомыми: комаром и мошкой. Эти окрыленные иглы, возбуждая особенную деятельность кожи, колют вам в уши самыми утонченными звуками. А лекарство против них хуже самой болезни: это дым тлеющей навозной кучи.

Проводив Кубань до моря, мы теперь последуем по излучистым берегам морских вод, омывающих Черноморье извне. Вот, на соединении Черного моря с Азовским, видим мы Таманский залив. Это бухта, глубоко вдавшаяся в Таманский остров из Керченского пролива. При входе в нее сидит курень Таманский как филин на развалинах. Здесь, полагают, существовала древняя знаменитая Фанагория – *locus ubi Troja fuit*. По ту сторону пролива видны Керчь и Еникале.

Отсюда по юго-восточному берегу Азовского моря, в направлении к устьям Дона, встречается сперва залив Темрюцкий (или Курчанский). При впадении сюда одного из двух вышеупомянутых гирл Ахданизовского лимана помещается курень Темрюцкий. Положение этой селитьбы очень выгодно в отношении к рыбацкому промыслу и водяным сообщениям. Здесь кратчайший водный путь из Азовского моря в Кубань. Близлежащие старые городища и засоренные пристани свидетельствуют о важности, какую имела эта местность в старые времена.

– Далее на значительных друг от друга расстояниях лежат глубоко врывшиеся в материк заливы Ахтарский и Бейсужский – бассейны большей части степных речек, как видели мы выше. Еще далее – коса Камышеватка, с поселенным над ней куренем под тем же наименованием. Потом, на изломе Азовского берега от запада к востоку, вытянулась далеко в море коса Долгая. Значительное протяжение ее открыто, но еще большее скрыто под водой, – и здесь таятся самые опасные мели для судов, идущих из Керчи в Таганрог. Наконец, коса Ейская, недавно получившая известность поселением над ней портового города Ейска. За ней последний залив Ейский, куда впадает Ея.

Пройденные нами заливы и косы представляют большие или меньшие удобства для рыбных ловель и для пристанища морских судов. Отлогое и болотистое поморье между заливами Темрюцким и Бейсужским, на протяжении полутора верст, испещрено множеством мелких лиманов, цепляющихся один за другой, имеющих очертание поваленных узкогорлых кувшинов и представляющих величайшие уголья для рыбацкого промысла. Часть этого водного хаоса мы уже видели выше, при взгляде на отторжение вод Кубани к азовскому бассейну.

Не столько степь, обнаженная, скудная водой и средствами для оседлого обитания, сколько эти необозримые рыбопромышленные уголья, тянули первобытных черноморских казаков с Днепра на Кубань. Казакам искони родственнее было рыболовство, чем землепашество; по их военному быту сподручнее им было бороздить веслом мутную волну, чем сохой степную, часто неблагодарную и всегда прихотливую почву. Для земледелия требуется постоянное нахождение у своей десятины, строго рассчитанный труд и изучение многих вещей, яже на небеси, горе, и на земли, низу; а для рыболовства – ставка на кон, смелость, сноровка, удар. Вот почему запорожские казаки, дальше всех других выдвинутые к против-

никам, могли ладить лучше с последним, чем с первым занятием, и вот почему они славили в своих песнях степь, как арену подвигов, а лиманы, как источники пропитания и снаряжения.

Дніпровый, дністровый,
Обидва лимани:
В них добувалися,
Справляли жупани...

Промежду рыболовных лиманов находятся солеродные озера: *Ясенские*, – их несколько вместе, – близь Бейсужского залива; *Ахтарские*, – их тоже несколько вместе, – и *Ачуевское*, близь Ахтарского залива; *Бугазское*, близь Бугазского гирла; *Меркитантское* и *Тузовское* – первое над Таманским заливом, а последнее при выходе Керченского пролива из Черного моря. Принадлежащее к ясенской группе озеро Ханское имеет в окружности до пятидесяти верст⁴. Тузовское озеро, прилегающее к Черному морю, дает высшего качества соль. Вообще озера, лежащие по черте вод Черного моря, производят соль более чистую и сильную, нежели те, которые примыкают к Азовскому морю. Соль этих последних содержит в себе растительные части и другие примеси, – а это оттого, конечно, что морская вода мелкого азовского бассейна, у древних носившего обидное название болота (*palus meotis*), разведена, у здешних берегов, наполовину, если даже не больше, пресными водами. Не все вдруг озера и не всякое лето дают соль. Некоторые даже засоряются, заплывают илом и вовсе теряют солепроизводительную силу. Бугазское озеро, лежащее в глубокой котловине и еще недавно занимавшее первое место в списке соляных озер, как по обилию, так и по превосходному качеству своих садок, почти уже перестало родить соль. Такая в нем перемена, как полагают, произошла от того, что внутренние бока озерной котловины допущено было вспахать: легко смывая взрыхленную землю, дожди нанесли ее на озеро, и озеро заглохло. Соль садится в июле и августе, при действии сильных жаров и при отсутствии дождей. Дождь, благодетель и союзник нивы, – враг соляного озера. Обыкновенная садка, то есть кристалловидная кора, которой подергивается озеро, бывает в четверть вершка толщиной.

Во времена татарщины эти соляные озера принадлежали казне крымских ханов и были прикрыты большими редутами, высокие валы и широкие рвы которых остаются нетронутыми доныне. В стенах редутов помещались склады соли и ясыр (плен), работавший на озерах. Здесь же находились гарнизоны, оберегавшие озера от хищнических наездов черкес, которые живились солью прямо с озер, когда татары возвышали на нее цену в продажных складах.

В соседстве с соляными озерами и в отдалении от них встречаются разные солончаки, а также мелкие лужи и ручьи, которые, пересыхая в летние жары, оставляют на своих ложах белый как снег порошок, по надлежащем очищении дающий сернокислую соду. В некоторых местах эта соль попадает большими ноздреватыми глыбами. У берегов Еи, в окрестностях куреня Конелевского, собирают на высыхающих озерцах беловатый ил, который, в пережженном состоянии, идет, вместо мела, на побелку хат. Эта масса оказывается, по испытании, пережженной магнезией, соединенной с известью и другими, однородными с ней, землями.

Осаживающийся на дне Тузовского соляного озера ил, рыхлый и пушистый, как сажа, содержит в себе целительные минеральные части, подобно Сакским грязям в Крыму. Один внутренне-служащий казак, много лет страдавший ломотой в берцовых костях и колючим ревматизмом в подошвах ног, был в наряде для выноски соли из озера. В течение недели, что он открытыми ногами бродил по озеру, болезнь его совершенно прошла.

⁴ Под всеми соляными озерами находится 15 440 1/4, а под рыболовными водами 210 743 2/5 десятин земли.

Из самого беглого обзора малых и больших вод Черноморья легко получить убеждение, что как те, так и другие одинаково осели и сократились. Независимо от причин более общих, явление это может быть объяснено совершенным истреблением лесов в крае, рыхлостью и сыпучестью стен водоприемниц и накоплением наносов в речных и озерных устьях. Берега Кубани и прочих речек, лиманов и гирл, равно как и берега Азовского моря, повсеместно песчано-глинисты, изредка содержат в себе ползучий щебень и нигде не скреплены скалами. Оттого они вечно обваливаются и засоряют водоемы. Азовское море обрезают войсковую землю от севера; Кубань гложет черкесский берег и натачивает войсковую землю на юге, – а черноморцы подвигаются все ближе к Кавказу... От засорения устьев органическая связь рек и гирл с бассейнами ослабляется и жизненный их пульс цепенеет.

Вода в степных речках, или мокрых балках, – что ближе к действительности, – задерживается с весны бесчисленными греблями (гатыми), похожими по внутреннему составу и наружной отделке на ласточкины гнезда. Эти незатейливые водовместилища заплывают илом, испаряются и превращаются в болота среди лета. К ним ко всем может быть приложено одно из вышепоказанных названий: Чолбасы, что значит по-русски «ковш воды»⁵. К этой татарской насмешке над маловодьем мокрых балок черноморцы прибавили еще свою:

Питався шляху, йшовши, лин,
Де, братця, Келембетів млин;
Там не гуде, не буркотит:
Мені там добре буде жить.

Степные воды, насильственно задерживаемые и лениво перепадающие с колеса одной мельницы на колесо другой, большей частью солощавы и горьковаты от содержащихся в них солено-кислого и сернокислого натра и магнезии. Редко бывает лучше и подземная вода, получаемая из копаней и колодезей, которыми избуравлена всякая населенная местность, начиная от главного в крае города до последнего хутора.

Мокрые балки могли быть в старые времена каналами с живым течением. Этими каналами, как мы видели выше, вода набегала в котловины, а котловины были бассейны, в которых задерживались запасы пресной воды по всей приморской полосе. Нельзя думать, чтоб эти водохранилища были и прежде так тощи, как теперь, потому что стоки, которыми выходил избыток воды в морские заливы, оставили по себе большие русла с широко разработанными устьями. Здесь теперь пасутся стада и табуны. Весной, однако ж, эти заимствованные пастбища понимаются ненадолго водой, – и тогда столько находит сюда из морских заливов судака и тарани, что один нарочный, скакавший с нужными бумагами, при переезде чрез подобное наводненное пространство, был опрокинут вместе с конем быстро двигавшимися колоннами рыб. Вот единственные в своем роде пространства, где попеременно разгуливают вол и судак, овца и тарань; где рыбак упирает свое длинное весло с челна и чумак спускает с воза конечник своего длинного батога.

⁵ Еще не простыл след монгольского обитания на Земле Черноморских казаков: за большей частью вод и урочищ остаются старинные татарские названия. Например: Ея, правильно Яйя, Иван; Сасык, вонючий; Албаши, красная голова; Бейсу, беева, или, может быть, главная река; Керпили, мостовая; Кизилташ, красный камень; Бугаз, горло; Темрюк, собственное имя; Калаус, проводник.

Рассказ второй Курганы и балки

Странное сравнение родится в воображении при общем виде степи, с ее частыми продольными бороздами – балками. Это широкий лист, разлинеенный для музыки. И по этим линейкам действительно пестреют головки нот – курганы. Когда-то, Бог знает когда, звучала по ним игра труда и жизни человека. Курганы тянутся стройными вереницами по берегам балок, по всему протяжению берегов и все в мерном от них расстоянии. Это неразлучные спутники каждого углубления в гладкой степной поверхности. Где курганы, там и балки, или котловины, с водой, или без воды; где нет курганов, там чистая, сухая гладь. Замечательна еще одна особенность: где курганы редки, там они малы, а балки мелки; а где посажены густо, там и величина их значительнее, и балки глубже. На Таманском острове они не вытянуты в струну, как по степным равнинам, – да там вовсе нет и балок: там встречаются впадины других очертков. Около этих впадин курганы сбиты в кучу – и здесь они являются в самых больших размерах.

Курганы много оживляют степь. На них отдыхает взор, освежается внимание. Они шевелят эти сонные балки и вместе с ними бегут. Без них пришлось бы встосковаться от недостатка впечатлений в этой беспредельной, бесцветной и неподвижной пустоте.

Что ж они, эти бедные пирамидки степи, гвоздевые головки, в сравнении с колоссами равнин египетских? Не подают ли они руку с берегов степных ручьев на берега Нила, чрез пространства морей и тысячелетий? Ведь и с них смотрит, конечно, сорок веков, ведь и они тяготят землю в качестве таких же бесплодных и безответных сооружений, как пирамиды фараонов... Но нет, мы не пойдем в страну Мемфиса и Фив, не пойдем так далеко и на такой ученой почве искать разгадки такой скромной загадки, как наши курганы. Поищем ее дома, на месте. Остановим внимание на этом тесном сочетании курганов с балками. Да, из этого сочетания углублений и выпуклостей родится предположение, – если хотите, очень смелое, но, кажется, близкое к здравому смыслу, – предположение, что балки и котловины, к которым они направлены, вырыты, а курганы насыпаны.

«Это что за новая, антиклассическая мысль такая? Коликократно...»

Позвольте, позвольте. Что курганы не вышли из рук Творца вселенной, это не требует доказательств. Еще менее они могли быть набросаны кротоми или волнами всемирного потопа: они расположены с расчетом, по мерке и по линейке. Стало быть, это труд человека, труд разумный, долженствовавший окупаться положительной выгодой и пользой. Но тут, конечно, вопрос: что именно было целью этого труда – вырытие ли балок или насыпка курганов? Разумеется и то, и другое вместе. Иначе не было бы этой гармонии между тем и другим. Балки вырывались для ускорения осушки низменных равнин и для усиления слабого естественного орошения пастбищных лугов, а курганы насыпались для жилищ, или, лучше сказать, для крепких убежищ троглодитам.

«Вот в какую даль вы на своем казацком скакуне махнули! И без дороги, *audacissime!* Но не желаете ли обратить внимание на то, что между шириной и глубиной балок и объемом соответствующих им курганов нет пропорции? *Non est modus*».

Так, действительно так. Да и не должно быть иначе. В первоначальном виде балки были легкие канавы. Человек понял мановение природы и помог ей; действием вод канавы углубились и расширились. Курганы же, напротив, от времени, – виноват, под тяжелой пятой веков, осели и сократились.

«Однако, *attamen*, обретаемые в курганах предметы доказывают, что это были не жилища живых людей, а места вечного покоя умерших, – и на аргументах, из самых недр сих

холмов извлеченных, утвердилось общее достопочтенное мнение, что курганы возводились над прахом героев, аки надгробные памятники, tumuli...»

Слушаю и присовокупляю: в недрах курганов находятся также клады, по курганам направляются степные наездники, на курганы выставляется сторожа, но из этого еще не следует, чтоб курганы были сооружены, как кладовые, как указатели дорог, как подмости для наблюдательных постов. Все это значения вторичные, третичные, товар из третьих и четвертых рук. Обширный народный труд ископания балок и возведения курганов должен быть отнесен ко времени первоначального заселения этой местности людьми. Должны были поднять этот труд первые поселенцы, потому что им не посчастливилось найти на своем новоселье готовых пещер и готовых рек. Рыли же люди тех времен Меридово озеро и возводили висячие сады Семирамидины. А здесь было гораздо легче и проще. Ручеек и водоскат служили ватерпасом. Одна работа давала материал для другой. Прошли, конечно, века. На последнем кургане человек начертил первый брульон башни, и явился город. Тогда-то первобытные убежища, земляные шатры и вместе крепкие замки людей – курганы перешли от живых к покойникам. Поколения за поколениями входили и истлевали в них; тесноты не было. Любовь, уважение и суеверие хоронили в них, вместе с покойниками, золото и другие драгоценности, уцелевшие до ближайших к нам времен и явившиеся на свет доказательствами гробового значения курганов. И потом, когда курганы вошли в обычай в качестве хранилищ праха предков, нет ничего мудреного, что в подражание первобытным холмам насыпались над прахом героев и новые, прямо уже как надгробные памятники. Но эти вторичные, подражательные курганы не могли составить такой стройной, осмысленной системы, в какой являются спутники балок Черноморья.

Итак, *itaque*, эти улицы курганов на балках Черноморья (на другие местности не смеем распространять наше торжественное *itaque*) были сперва колыбелью, а по времени сделались могилой смертных. Сколько в мире вещей и дел, испытавших подобные обороты! И в настоящее время, если встречаются курганы близ куреня и хутора, они бывают увенчаны надгробными крестами. Прах Тарасенка смешивается с прахом Набудонабоназара. И нередко с верхнего конца нового деревянного креста развевается белый плат. Это знак, что в кургане затворился на вечный покой казак военнослуживый. Скоро ветер оторвет белый плат и унесет в степь. Выйдет на курган казачка и, без мысли про покойника, будет грызть подсолнушки да выглядывать, не идет ли с поля ее овечка. А потом, при угрожающем набеге черкес, старый скупец там же схоронит свой кувшин с серебром. Найдут его чрез сорок веков, напишут сорок диссертаций, и стрелы гипотез будут лететь на тысячу лет в сторону от мишени.

Любопытство, алчность и религиозная нетерпимость поколений, прежде живших, почти уже ничего не оставили внутри курганов на память, или лучше сказать – в поживу нынешнему населению. На Таманском острове предпринимаются, однако ж, и не без успеха, археографические раскопки курганов, наиболее кажущихся нетронутыми. Вид и положение находимых в них предметов показывают, что это лишь остатки, проскользнувшие сквозь пальцы давнишних нарушителей безопасности последнего убежища человека. Эти остатки могли задержаться в могильных холмах от поспешной, или неискусной разрывки их. Опустошение могил могло совершаться не открыто, а тайно, как действие, возмущающее человеческое сердце, или как такое действие, которое человек любит совершать без товарищей и свидетелей, чтобы избежать чрез то неприятности делиться находкой. Внутри одного кургана найдены были два скелета с остатками заступов. Положение скелетов и присутствие при них заступов показывали ясно, что это были обкрадыватели мертвецов, что, подкопавшись украдкой под курган, они погребены были живьем случившимся завалом штольни. Наконец, и то еще можно заметить, что на многие вещи, находимые в последнем покое человека, прежние курганокопатели смотрели не лучше, как басенный петух на жемчужное

зерно. Так, в некоторых курганах найдены были удивительной работы глиняные сосуды (по большей части греческие *lascumaria*), разбитые в черепки. Разбила их обманутая алчность вандализма.

Ограбление курганов могло быть совершено или аравитянами VIII века, утверждавшими новую веру на развалинах алтарей и всего, что находилось в каком-либо соотношении с ними, или монголами XIII века, основывавшими свое господство на развалинах современной цивилизации и всего, что только служило ей каким-либо выражением. Верно, по крайней мере, то, что совершено оно давным-давно: ибо курганы, после первого разрытия, успели к нынешнему времени закрыть свои раны и вновь принять свою первобытную коническую форму.

Нельзя, кажется, ожидать этого после поисков нынешних искателей древностей. Эти минеры археологии, раздирая могильные холмы от маковки до подошвы, не берут на себя заботы возвращать им, по возможности, прежний вид. Жаль, что заступ науки искажает этак самую характеристическую черту Черноморского края. Трудно выразить тягостное впечатление, какое производит на проезжего отталкивающий вид этих возмущенных и перебуравленных кладбищ, этих тысячелетних могил, выставляющих свою внутренность, разглашающих свою заветную тайну.

Рассказ третий

Почва. – Естественные произведения

Исключая Таманский остров, Земля Черноморских казаков состоит из сплошного чернозема с глинистой подпочвой. Нигде ни песков, ни камня, ни других минералов. В южной полосе, где почва освежается живыми течениями Кубани и ее отраслей, слой чернозема глубже и жирнее, а в северной, напротив, мельче и черствее. Здесь, по маловодью и, может быть, по соседству соляных озер, лежащих на одном уровне с землей, почва проникнута солями и щелочами, сообщающими ей тягучесть и вялость. В южной полосе все растет скорее и в больших размерах, чем в северной. Зато в этой последней, у берегов Азовского моря и р. Еи, земле дана особенная способность производить пшеницу «арновку», известную в торговле под именем твердого хлеба (*ble dur*) и, преимущественно пред другими сортами, выдерживающую дальние перевозки чрез моря.

В земледельческом отношении весь Черноморский край имеет ту невыгоду, что он слишком открыт для северо-восточных ветров, летом палящих, зимой пронзительно холодных, вымораживающих посевы и насаждения. А потому подобную местность не должно разбирать и оценивать по одному составу и качеству почвы, вне соотношений ее с воздухом. Что щедро производит и матерински живит земля, то неожиданно убивает воздух. И тогда выходит, что «земля есть поядаяща живущия на ней».

На Таманском острове – чернозем серый, легкий и как бы очищенный. Здешняя почва несравненно нежнее грубой, хотя и сильной, почвы степного пространства; не спекается летом, не смерзается зимой до твердости камня, как наземная кора степи. Она растворена песком и согрета глубоко кроющейся в ее недрах горной нефтью. Снег на ней никогда не лежит долго. Как все вулканические почвы, Таманская земля очень плодородна, и плодородие ее постоянное, надежнее, чем плодородие лимфатической почвы «на речках», как называется у казаков степное Черноморье. Там хлебобородная сила земли – что соломенный огонь: даст обильный плод год-другой, а там и испарится на продолжительное время, – и отошавшая нива гонит один бурьян. Таманская пшеница отличается желтым, янтарным цветом и способностью сохраняться долго в амбарах и путешествовать далеко на кораблях. Таманские арбузы пользуются известностью даже в Крыму.

При обильных дождях с весны и под влиянием западных и южных ветров в продолжение лета Земля Черноморских казаков производит с успехом все роды хлебов, овощей, масляных и прядильных растений, свойственных южной полосе России. Исчисление их было бы бесполезно. Урожай хлебов бывает – «на речках», до сам-тринадцати, а на Таманском острове, до сам-двадцати.

Но, будучи скорее лугом, чем пахотной полосой, Черноморье отличается силой и разнообразием своей флоры. На пространстве нескольких десятин вы можете встретить из луговых трав: разную дятлину или орешек, разного рода горошек и другие стручковые, разных видов колосистые травы, ковыль, ароматную сывороточную траву, козлятник, кровохлебку (*sanguisorba officinalis*), цикорию, ярутку, куколь, полевой шалфей, посконник, василисник, незабудку.

Желтоцветущий «бурунчук», то есть желтая дятлина, *trifolium campestre*, служит вестником созревания травы для покоса. Лишь показал он цвет, казак отбивает косу, набирает воду в бочонок и сбирается на покос. Это бывает обыкновенно за две недели до Петрова дня. Пушистый и белый, как пена, ковыль покрывает большие пространства степи по рекам Бейсугам и Чолбасам. Это растение служит отличительным признаком земли девственной. Прасолы дают ему таинственное, покровительствующее их занятию значение и украшают им свои кибитки и становища.

Из растений, употребляемых в мануфактуре, медицине и на кухне, находятся: вайда, ворсянка, марена, кермек, солодковый корень, бузина, ромашка, сурепка, кунжут, горчица, спаржа, дикий чеснок и хрен. Последним особенно изобилует Таманский остров. Здесь корень хрена бывает такой толщины и уходит на такую глубину в недра земли, как якорный канат, брошенный в морскую пучину.

Сокровища дубильного вещества, кермека кроются преимущественно в прикубанской полосе.

По сочно-черноземному пространству всей южной полосы встречаются терновники и других пород кустарники. Это слабая тень давно истребленных лесов и вместе указание на способность почвы к произращению новых. За лесоводством пошло бы успешно и садоводство. Чтоб воспитывать виноградную лозу, надобно прежде иметь под рукой тычину. Виноградная лоза, ореховое дерево, персиковое дерево, черешня, шелковичное дерево и другие в этом роде растут с полным успехом. Нужен только заботливый уход за ними, пока они в младенчестве, надобно пеленать и кутать их на зиму, чтоб северо-восточные ветры не выморозили их корня, а зайцы не обгрызли их коры. Слабые опыты садоводства встречаются повсеместно. Лесоводство покамест ограничивается насаждением одних скорорастущих и не долговечных пород: тополи, вербы, ольхи и акации, которые осеняют заборы дворов, рубежи хуторских «левод» (дач), берега речек и окраины плотин, скрепляя рыхлый состав этих последних.

В нескольких местах по Кубани сбережены остатки лесов и кустарников; они взяты в войсковое ведомство. Под ними 11 562 десят. земли. Господствующие в них породы: дуб, ясень и берест, или вяз. Около старых городищ, по правому берегу Кубани, попадаются кое-где остатки виноградников, в одичалом состоянии, – печальные следы существований, нынешним жильцам неведомых. Народы оставляют память по себе не в одних развалинах гордых сооружений, но и в скромных былинках царства растительного. На Таманском острове плуг казака проходит по бороздам, когда-то напаявшим виноградники. От этой благородной земли, подававшей на пиры греков чашу вдохновения, теперь требуют только куски насущного хлеба.

Когда-то Сицилия на Фракийских водах Понта Эвксинского, Таманский остров резко оттеняется от унылых степных равнин не только живописным видом своих холмов и вод, но и минеральным содержанием почвы. Господствующими в ней породами представляются

глины и пески. Первые встречаются в соединении с илом, известью и слюдой и бывают желтого, красного, бурого и сине-черного цветов. Пески большей частью являются с окислом железа, иногда спекшиеся в твердые массы, без видимого цемента, цветов преимущественно желтых, искрасна-бурых и чисто белых, блестящих. Между песками и глинами залегают второстепенными породами: известняк, песчаник, гипсовый шпат, алебастр, селенит, серный и железный колчедан и бурый железняк (водянистое, окисленное железо). Выше Таманского куреня, по направлению к мысу «Лысая гора», могут добываться известняк, совершенно годный для построек, и чугунная руда. Над Ахданизовским лиманом, в недрах мыса «Дубовый рынок», и в холмистых окрестностях Бугазского гирла подозревается существование каменного угля.

Вершины высот около Ахданиза дышат сопками, извергающими тонкий, пепелистый ил и соленую воду, с серно-водородным газом. Из сомкнувшихся кратеров потухших вулканов, по-казацки «горелых могил», около Фанагории, бывают по временам огненные извержения, которым предшествуют оглушительные, потрясающие окрестность взрывы. Тогда бедные жители не знают от страха, куда деваться. Но пробуждение вулканов не бывает продолжительно. Чрез несколько минут они снова погружаются в свой вековой сон, и все вокруг них приходит в обычный порядок. Спят вулканы, изредка возмущают их глубокий сон беспокойные грезы, – и кто из мудрецов истолкует нам значение их снов!

В окрестностях куреней Вышестеблиевского и Старотитаровского, также в урочище «Чижиговом пекле» и в северо-западном углу острова, на берегу Азовского моря, находятся источники нефти, черной и белой (горное масло, *petrole*), которая добывается в первых трех местах из колодцев, со вставленными в них плетневыми втулками, а в последнем – из песка, посредством разноса морского берега, имеющего здесь отвесной высоты более 25 саженей. Под этой высотой, ниже разных песков, глин, щебня и мелких раковин, залегают пласты песка серого, пресыщенного нефтью до состояния теста. Ширина флеса тринадцать, длина восемьдесят саженей. Это самый обширный прииск, занимающий до ста работников. Вообще же годовая добыча нефти, во всех показанных месторождениях ее, может простираться от 1000 до 3000 ведер, на сумму от 500 до 1500 руб. сер. Прииск скудный, едва окупающий труды и издержки операции.

Пред приходом казаков на Таманский остров нефтяные источники были заколочены и засыпаны прежними обитателями этой местности. Спустя уже тридцать почти лет были они вновь открыты.

В вековых болотах, прикубанских и приморских, лежат целые пространства торфа, на который не обращено еще никакого внимания, то есть на который не пришла еще нужда. Там же водятся пиявки, ловля которых давно уже вошла в область промышленности. Но о промышленности и ее предметах мы будем говорить в другом месте.

Рассказ четвертый

Климат. – Народное здоровье. Старые годы

По географическому положению (45° с. ш.) и слабому возвышению своему над морским уровнем Черноморье должно считаться теплым краем. Действительно здесь больше тепла, чем холода, больше солнца, чем облаков. Но вследствие своей гладкой поверхности и открытого положения на север, этот южный край вчастую испытывает холода северной зимы. Соседство же двух морей и Кавказских гор делает климат его изменчивым и непостоянным в высшей степени. Одно время года впадает в другое, переходы от тепла к стуже, от ливня к засухе, от мертвой тишины к буре совершаются мгновенно, – и если где, то особенно здесь не следует хвалить день прежде вечера. Народ со всей точностью определил свой кли-

мат в поговорке: «до Святого Духа не кидайсь кожуха, а по Святом Дусі, у тому ж кожусі». Это значит: ни в какое время года не будь доверчив к климату.

Иногда гром прогремит в декабре, а на другой день ударит трескучий мороз. Иногда в январе стоит сухая и ясная погода, в феврале идут дожди, а в марте падает снег и свирепствует вьюга, и запоздалая стужа пришибает молодую, слишком рано вызванную из доверчивой почвы зелень в полях и почки в садах.

Виноградная лоза на зиму закрывается. По замечаниям, она боится холода только в марте, когда соки ее начинают приходить в движение. Из этого видно, что она могла бы зимовать на открытом воздухе, под одной естественной защитой своей коры, если б зима не переходила за указанную ей в календаре черту. А как это случается слишком часто, то весна бывает бурная, сырая и холодная. Потом вдруг наступают жары. В мае они доходят уже до 27 °С, а среди лета до 50 °С на солнце. В летнее время сильные грозы и град – явление самое обыкновенное. Летом от продолжительного зноя, зимой от бесснежной стужи земля спекается и расседается широкими трещинами. Самое приятное время года под небом Черноморья – осень. В сентябре и октябре бывает, по большей части, сухо, ясно, тепло и тихо. Лист на дереве держится долго. Солнце светит кротко и приветливо. *Esse phoebe dulcius lumen solet, jamjam cadentis...* Все, что им освещено, кажется приласканным, пьющим наслаждение из его лучей и дремлющим в неге. Тогда и сам не ищешь тени, а желаешь быть облитым с головы до ног этим сладостным светом. И слышишь тогда во всех звуках природы любящий голос: «Дети мои, еще малое время я с вами...» Тихо идет это прекрасное время, а уходит скоро. Наступает ноябрь, с его свинцовым небом, с его дождями и туманами, а там и Николин день, с морозом и инеем. Самые сильные морозы (до 28°) бывают около Рождества. В эту пору становится Кубань. Стужа приходит обыкновенно на голую землю, без снега. Взъерошенная и внезапно застывшая грязь представляет тогда из улиц, в местах населенных, и из дорог, в открытом поле, чудовищные терки, по которым ходьба или езда ни у кого не вырывает приятных восклицаний. Во всей силе слова бывают тогда *строптивые пути* на войсковой земле.

В продолжение зимы снег падает часто, но не лежит долго: или тает он от теплого солнца и сырого ветра с моря, или смывается дождями. Саням службы мало. Если зима несколько лет сряду была слабая и короткая, как говорят здесь, «сиротская», то потом непременно явится лютая и продолжительная, как бы наверстывающая за один раз недоимки и упущения многих лет. И тогда-то бывает гибель на стада у оплошных хозяев.

Атмосфера и народное здоровье видимо подчинены влиянию ветров. Среди зимы и среди лета дует с напряжением, как бы подобранный на короткие поводы, северо-восточный ветер (у черкес «негхой»), провожатый всех невзгод для края: летом – засухи, зимой – резкого, глубоко проникающего холода.

Про него можно повторить здесь слова, сказанные под другим небом: «Из всех ветров, заключенных в мехах Эола, он самый злой, коварный и опасный. Как сила дурного глаза, губительно его влияние; как чаша испитой неблагодарности снедает грудь ядовитое дуновение его. Верный союзник смерти, он вздувает парус Харона и носит на крыльях своих болезнь и заразу. Только угрюмого могильщика радует мрачный пришлец из стран далеких и пустынных. И слышатся в вое его стоны и вопли несчастных страдальцев. Безотрадно несется он, несопутствуемый ни одним из сладких ароматов стран цветущих. Только печаль и уныние оставляет он на широком пути своем. Не защищают от него ни стены каменные, ни яркое пламя, ни одежда теплая...»

Северо-восточный ветер производит летом расслабление и отвращение от труда на воздухе, а зимою насыляет катары, колотья, ревматизмы. На смену ему поднимается с Черного моря юго-западный ветер, теплый, порывистый, сырой, брызжущий дождями. Под его вли-

янием возникают лихорадки, горячки, рожистые воспаления лица. Переход юго-западного ветра в северо-западный сопровождается внезапным градом или снегом.

В течение лета и зимы тихие дни редки. Ветры дуют почти исключительно угловые и весьма редко прямые. Последние поднимаются не иначе, как в скоротечных и потрясающих бурях. Ртуть в барометре не поднимается выше 30 дюймов и не опускается ниже 28 дюймов и 8 линий. Высокое стояние ртути бывает при действии северо-восточного, а низкое – юго-западного ветра.

Воздух, в составных своих частях, по сделанным испытаниям, не обнаруживает резких отклонений от обыкновенных пропорций; но нельзя не допустить в механико-химической его смеси присутствия посторонних частей, как весомых, так и неуловляемых орудиями науки. Присутствие водяных частей в воздухе обличается обыкновенной его сыростью. В кладовых господствуют затхлость, плесень, ржавчина. В закромах и погребах жизненные припасы подвергаются скорой порче, вина – окисанию. Дерево самое крепкое скоро согнивает в земле. Живые деревья в садах покрываются гусеницей, мхом, грибовидными наростами и язвами, истощающими их обильные соки, а в сердцевине поражаются чахоточной трухлостью. К этим явлениям присоединяются частые туманы и весьма обильные росы. Наконец последнее свидетельство о густоте воздуха является в летних маревах, или миражах, так здесь обыкновенных. Примесь водяных частей в воздухе происходит от близости гор, брызжущих водами, от смежности морей и болотистых пространств, которые постоянно бродят и испаряются, то нагреваясь после зимнего охлаждения, то остывая от глубоко проникнувшего их летнего жара. И притом глинистая подпочва степей не способна проводить далеко в глубину падающие на поверхность земли, в дождях и снегах, орошения.

Из болот, облегающих край с трех сторон и загроможденных сорными, разлагающимися на корне растениями, отделяются тлетворные вещества, производящие желчную лихорадку, на казачьем языке «корчий», на черкесском «тхегхау». Эта тропическая на всем Подкавказье болезнь имеет здесь характер скорее эпидемический, чем спорадический. Она возникает по мере возвышения летних жаров и достигает своего апогея в августе. Тогда уцелевшие от лихорадки составляют содержание к испытавшим ее, как 2:10. Полевые труды, в поте чела, под знойным небом, при недостатке здоровой воды, распространяют и раздражают, а обильные сборы плодов и овощей, особенно дынь, питают болезнь в народе. Свежая рыба и раки степных прудов, раки – любимое *pour la bonne bouche* казачьей вечери – также не благоприятствуют народному здоровью.

Эпидемическая холера, посетившая Кавказ в 1832, 1847 и 1848 годах, действовала на Черноморье не так сильно, как в местах, более здоровых. В курене Староджерелиевском, поселенном самым невыгодным образом для жизни, среди болот протоцкой полосы, и не имеющем среди лета годной для питья воды ближе, как верст за пять, холера вовсе не действовала. Не оттого ли, что жители пьют там воду не свежечерпнутую, а подержанную в посуде известное время, требующееся для ее перевозки?

От лихорадок страдают наиболее жители болотной прикубанской полосы и войска, занимающие кордонную линию. Там по роду своей службы казак и днем, и ночью подвергается влиянию открытого воздуха и держится в местах, выгодных в тактическом и невыгодных в гигиеническом отношении. В степной и приморской местности действия болезни не так сильны, а в возвышенной части Таманского острова почти незаметны.

Степь, поэтический удел казачьего житья-бытья, могла бы пользоваться лучшим воздухом, если б не была засорена множеством добровольно созданных луж, из которых летняя атмосфера черпает свои миазмы. Это запруды на балках, о которых было уже говорено выше. Скучные степные водоскопища от застоя и тепла подергиваются зеленой плесенью, задвигаются илом и производят камыш, – растение вредное своими испарениями и разложением в воде своих пней, недоступных ни для косы, ни для огня. Грязные «ставы» (запруды), нередко

разрушаемые весенними наводнениями, терпеливо восстанавливаются и поддерживаются для водопоя стад и для работы мельниц. Камыш не искореняется, а напротив поддерживается, как необходимое в хозяйстве добро, как топливо, кровельный и городильный материал.

Не вдаваясь в рассуждение о том, больше ли выгод или больше лишений принесло бы народу отсутствие запруд и гатей на степных балках, — не на всех, конечно, но на большей их части, — выполним печальную обязанность показанием еще одной болезни, свойственной обозреваемому нами краю. Это цинга, гнездящаяся в жилищах бедности и неопрятности, заносимая нередко служивыми казаками из закубанских укреплений, а иногда развивающаяся и действующая эпидемически. Лихорадка и цинга, эти два местных бича народного здоровья, если не истребляют, то заметно перераживают народонаселение, в основание которого призвано было племя крепкого закала.

Мирные черкесы, обитатели прикубанских болот левой стороны, предохраняют себя от цинги чрезвычайно воздержным и подвижным образом жизни, а также обильным употреблением в пищу перца, чеснока и лука. Мать, желая отвязаться от докучающего ей ребенка, сунет ему в руку луковицу, и тот ее съест безо всего, с утешенным и веселым видом, словно пряник.

Пока климат этого края улучшится мерами, зависящими от человеческой воли и предприимчивости, пока это будет, — а вот, по сказке старожил, на их веку, произошли в температуре местной атмосферы видимые изменения: зимы сделались гораздо суровее против старых годов. В те годы не знали, как на зиму припасать для стада сено, а для пастуха кожух; в те добрые годы озимые запашки полей оканчивались пред Рождеством, а яровые начинались после Крещения.

Тогда житье было на казачине. Какое диво, что само небо было к нам ласковее! Мы величали друг друга братом, а кошевого атамана батьком. Так оно было и на самом деле. Мы не чувствовали тесноты в светличке о трех окнах, под низко спущенной камышовой крышей, где, на светаньи Божьего дня, звонко чиликали воробьи, благодарные за ночлег под одним с нами смиренным кровом. Наши матери и молодницы разъезжали в стародубовских кибитках, в которых только и роскоши было, что медные головки на «цвяшках» (гвоздиках); а мы, то, мы с пренебрежением смотрели на колеса, — и нас носили стремяна. Стремя было для казацкого чобота, что крыло для пяты Меркурия. На дружеских пирах мы пили свою родную варенуху, услаждали вкус мнишками, а слух цымбалами, — и, под их разудалое, задирающее за живое, бряцанье отплясывали журавля да метелицу. Пуля и даже сабля не брали нас в бою, затем что никто из нас назад не оглядывался⁶. У домашнего очага мы были недоступны ни для корчя, ни для иной злой немочи, — не было преждевременных морщин, за которые могли б они ухватиться. Все недоброе от нас, как мяч, отскакивало. Просто — житье было на казачине.

Оплакивающий оное доброе время не берется быть истолкователем изменения, последовавшего в климате Черноморья, на памяти одного только поколения людей. Но из его собственной памяти не испарились еще повествования древних историков о том, что за пятьсот лет до Рождества Христова Таврические скифы, предприняв поход в Индию, переходили чрез Черное море по льду; что за сто лет до той же эры Митридат сражался со скифами на льдах того же моря, и что, наконец, в XI веке русский удельный князь Глеб, по льду Боспора Киммерийского, то есть Керченского пролива, измерял расстояние от Тмутаракани до Керчи. Выходит, что зима на Черноморье не есть явление новое. Ничто не ново под луною.

⁶ По казацкому поверью, заговор от пули и сабли может быть действительным только для тех, кто в бою ни разу назад не оглянется. Условие, *sine qua pop*, и весьма основательно.

Рассказ пятый

Народность. – Религия. – Населенность. – Жилища. – Замечательные поселения. – Следы старинных селитеб. – Отличительные черты в быту общественном и семейном. – Отличительные качества нравственные

Черноморские казаки вышли из последней Запорожской Сечи и населили нынешний свой край в 1792 году. К первобытному их населению, состоявшему из двадцати тысяч «куренных» или служилых людей, присоединились по времени горсть запорожцев, вышедших из Турции, под именем Буджацких казаков, и два поселка добровольных выходцев из-за Кубани – черкес и татар. Сверх этих маловажных приселений сделаны были три раза значительные переселения на Землю Черноморцев малороссийских казаков из губерний Полтавской и Черниговской⁷.

В позднейшее время возникли в пределах Черноморья два приморских поселения, с особыми сословиями, не имеющими ничего сходного с сословием казачьим. Мы будем касаться их только в показании статистических цифр; общие же сведения и заметки о разных сторонах народного быта и характера будут относиться всегда к господствующему сословию казачьему.

Малороссийские казаки, из которых набиралась Запорожская Сечь, во все время ее существования, – кровные родичи черноморцам; а потому приселения их, как ни были они значительны, не внесли никакой разнородности в население коренное, и в настоящее время весь войсковой состав черноморского народонаселения носит одну физиономию, запечатлен одной народностью – малороссийской. Самые инородцы (черкесы и татары), численность которых не простирается далее одной тысячи мужеского пола душ, исчезая в массе господствующего населения, уже достаточно оказачились. Немало удивляет захожего русского человека, когда черкес заговорит с ним языком Пырятинского уезда. «Что за диво! – думает русский человек. – Нельзя сказать, чтоб был хохол, а говорит – из рук вон».

Черноморцы говорят малороссийским языком, хорошо сохранившимся. На столько же сохранились, под их военной кавказской оболочкой, черты малороссийской народности в нравах, обычаях, поверьях, в быту домашнем и общественном. Напев на клиросе, веснянка на улице, щедрование под окном, жениханье на вечерницах и выбеленный угол хаты, и гребля с зелеными вербами, и вол в ярме, и конь под седлом – все напоминает вам на этой далекой кавказской Украине гетманскую Украину Наливайка и Хмельницкого.

Мыслию, следственно существую, сказано о немцах, по крайней мере сказано это у них. Пою, следственно живу, может быть сказано о племенах славянских. Так, старая песня гетманской Украины живет неразлучно с поколениями народа, перенесшего своих пенатов с

⁷ С самого начала, в 1792 году, перешло на Черноморье 13 тысяч строевых казаков и при них до 5 тысяч душ женского пола. Затем, в следствие особых мер правительства, подошло еще врястяжку, в виде отсталых, до 7 тысяч семейных и бес-семейных казаков, находившихся на поселении в разных местах Новороссийского края, после упразднения Запорожской Сечи. Это население коренное. К нему прибыло: в 1808 году, до 500 добровольно возвратившихся из Турции Буджацких казаков, старинных сечевых односумов черноморцев; в 1809–1811 годах, переселенцев из малороссийских губерний, Полтавской и Черниговской, 23 089 мужского и 16 672 женского пола душ; в 1821–1825 годах вторых переселенцев из тех же губерний 20 274 мужского и 19 689 женского пола душ. В пятилетие 1845–1850 годов третьих переселенцев из тех же и отчасти из Харьковской губерний, да разных вольноприписных, все таки из Малороссии, до 8500 мужеского и 7000 женского пола душ. Добровольно вышедших из-за Кубани, в 1798 году, черкес и в 1801 году татар, с прибывавшими поодиночке, до позднейшего времени выходцами – к первым из-за Кубани, к последним из Крыма, 1000 душ мужеского и около того же числа женского пола. (В числе черкес несколько десятков семейств очеркесившихся армян и греков.) А всего к коренному населению прибыло в войсковой состав: 53 363 мужеского и 44 361 женского пола душ.

Днепра на Кубань, и звучит она тысячеустной повестью о славных делах и высоких качествах праотцев, в завет правнукам, далеко ушедшим от предковских могил...

За исключением небольшого числа инородцев, все черноморские жители войскового состава исповедуют греко-русскую веру, за неприкосновенность которой их прадеды пролили потоки крови в борьбе с нетерпимостью польского католичества. Расколов нет. Жертвующая преданность народа к церкви беспредельна. Не бывает наследства, самого скромного, из которого бы какая-нибудь часть не поступила на церковь. В этом отношении черноморцы остаются верны святому обычаю своих предков: от всех приобретений меча и весла приносить лучшую часть храму Божию.

Инородцы, в войсковом составе находящиеся, принадлежат к последователям суннитского магометанства: татары – по задушевному верованию, черкесы – по имени. Здесь кстати будет заметить, что как шапсуги, к племени которых принадлежат черноморские черкесы, так и другие закубанские горцы слабо привязаны к исламу и недалеко от религиозного индифферентизма. Когда первый, еще не знавший, как взяться за свое дело, эмиссар Шамиля, Хаджи-Магомет, явился среди абадзехов (в 1841 году) и заговорил к ним, с высоты корана, о правоверии, то дворяне, бывшие в числе первых его слушателей, пожали от недоумения плечами и холодно отозвались, что такие речи прилично выслушивать только муллам, а не благородным уоркам (дворянам). Не дженет и гурии корана, а страх стыда и желание известности в своем обществе, – чтоб не сказать чувство чести и жажда славы, – одушевляют черкесского уорка на битвы и опасности. В недавние годы умер у абадзехов двадцатилетний старец, последний представитель того времени, когда горцы не были еще мусульманами, даже и по имени. Позднейшая турецкая пропаганда, наложившая клеймо ислама на окружавшие старца поколения, не имела над ним никакого действия. Новое вино неудобно вмещается в старый мех. Наконец, в последние минуты жизни абадзехского Мафусаила муллы приступили к нему с увещанием, чтоб, по крайней мере, в другой мир явился он правоверным, если не хотел быть таковым на сем свете. Ветхий днями горец не сдавался, и служители корана решились испытать над ним последнее средство: пламенным словом стали они рисовать воображению умирающего картины рая и ада, до которых оставался ему один только шаг и между которыми проход так узок, как лезвие шашки. Тогда умирающий пришел в волнение, закрыл глаза рукой и последним остававшимся у него голосом проговорил: «Не хочу в ваш ад, не хочу и в ваш рай; дайте мне спокойно уйти в то место, куда ушли добрые и честные люди – мои сверстники». И чрез минуту ушел.

Всех жителей в пределах Черноморья, обоего пола:

Казачьего сословия – 165 000⁸

Городовых сословий портового города Ейска – 20 000

Немецких колонистов – 220

Итого – 185 220 душ.

Оставляя в стороне город Ейск и немецкую колонию, войдем в особенное рассмотрение казачьего населения. В вышепоказанной общей цифре 165 тысяч заключается мужеского 85 000 и женского пола 80 000 душ. Из двух миллионов трехсот тысяч десятин удобной, в пределах Черноморья, земли, – за указными отводами ее для кордонной линии, портового города Ейска и немецкой колонии, для войскового дворянства и духовенства, для почтовых станций и скотопрогонных дорог, для рыболовных, соляных и нефтяных промыслов, для мельниц и других отдельных надобностей, и наконец в запас для имеющего увеличиться

⁸ В этом числе значится 860 душ обоего пола крепостных дворовых людей, большая часть которых предназначена к поступлению в казаки.

народонаселения, – приходится в действительный надел казаков по шестнадцати десятин на душу мужского пола.

В естественном движении казачьего народонаселения, средним числом, родится 5300 душ; браком сочетается 1250 пар; умирает 4000 лиц. Приращение составляют 1300 лиц в год.

Число умирающих к числу живущих относится как 1: 41.

Число заключаемых браков к общему числу жителей относится, как 1: 132.

Число рождающихся к общему числу жителей относится, как 1: 31.

Все вообще жители Черноморья, как казачьего, так и других сословий, населяют три города, одну немецкую колонию, шестьдесят три куреня, или станицы⁹, пять поселков и до трех тысяч хуторов. Среди этого населения находятся две монашеские пустыни: мужская и женская.

У черноморцев старого времени, как равно и у запорожцев, куренем называлась казарма, не только в смысле здания, но, еще более, в смысле помещавшейся в ней самостоятельной части войска, поставленного на походную ногу, мобилизованного. Каждый курень имел приписанное к нему село, или несколько сел, откуда снабжался жизненными припасами. С 1803 года, по заменении куреней, в смысле частей войска, полками, название это осталось при селах, которые в позднейшее время стали называться и станицами, для сходства с другими казачьими войсками. За название станиц первые ухватились канцелярии, и с такой поспешностью, как за замену слова *сей* словом *этот*.

Курени носят те же названия, какие исстари существовали в Запорожском войске. Из них лежащие по Кубани, на линии, укреплены окопом и огорожено, в защиту от нападений горцев. Число дворов в курене простирается обыкновенно от 200 до 1000.

Край заселен неровно: на одной полосе народонаселение легло слишком густо, на другой слишком редко. Первая из этих крайностей не представляет никакой соразмерности между числом жителей и подлежащим им, по положению, количеством земли.

Во всех показанных городах, куренях, поселках и хуторах состоит: церквей 70, с монастырскими; из них десять каменных, остальные деревянные; мечетей 3; войсковых домов, каменных до 30, деревянных и турлучных 140¹⁰; общественных запасных хлебных магазинов 60; соляных магазинов 4; почтовых станций 25; лавок каменных до 100, деревянных до 600; трактиров 10; питейных домов до 200; бань публичных 14; кузниц 150; заводов рыбоспетных до 200, кирпичных до 30, черепичных 2, кожевенных 6, салотопенный 1 и маслобойных 3; мельниц, водяных 70, ветреных 750; домов обывательских до 32 000.

Между обывательскими казачьими строениями каменных не встречается почти вовсе, деревянные очень редки; земляные, то есть сложенные из землебитного кирпича, или просто из просушенного дерна, находятся на Таманском острове да по берегам Азовского моря и р. Еи, где почва, по своей сухости и тягучести, оказывается годной для подобного рода строений. Господствующие же у черноморцев постройки суть турлучные или мазанковые, в состав которых входит гораздо меньше леса, чем глины. Врываются в землю столбы, называемые сохами, и на них накладывается сверху «венец», то есть бревенчатая связь, служащая основанием кровельным стропилам и матице. Стенные промежутки между сохами заделываются плетенкой из камыша или хвороста. Редко положенные от матицы к венцу доски с камышовой, поверх их, настилкой, образуют потолок. Этот остов здания получает плоть и кожу из глины, смешанной с навозом. Если это жилище пана, то в нем будет окон очень много, вдвое больше против того, сколько нужно; если урядника, то при нем будут «при-

⁹ В числе 63 куреней считаются и города Екатеринодар и Тамань, потому что они имеют двойное учреждение – городское и куренное.

¹⁰ Сверх войсковых зданий, состоящих в пределах войсковой земли, находятся в С.-Петербурге казармы с конюшнями, выстроенные из доходов Черноморского войска, для помещения лейб-гвардии Черноморского казачьего дивизиона.

сенки», крылечко на двух столбиках, вроде козырька при фуражке. Новые присенки при старой хате показывают, что шапка хозяина еще недавно украсилась урядничьим галуном. Если в хате порядок и довольство, то на дымовую трубу будет надет деревянный островерхий колпак, с петушком вместо кисточки, поворачивающимся по ветру. «У богатого казака дымарь с крышкой, а в убогого лоб из шишкой». Турлучные постройки не должны быть, во-первых, обширные и высокие, а во-вторых, войсковые, или, что одно и то же, казенные. В первом случае они не будут иметь надлежащей прочности, а во втором неудобны тем, что требуют непрерывного ремонта. Трещина показалась в потолке – мазка; косой дождь ударил в стену – еще большая мазка; а пропущена мазка – здание пошло валиться. Потом столбы, на которых держатся потолок и крыша, скоро подгнивают в основании, и здание косится, ползет врозь. Последнее неудобство могло бы быть устранено с помощью жидкого стекла, если бы покрывать этим стеклом концы столбов, врывающиеся в землю, что делало бы их недоступными гниению. Как бы то ни было, но турлучные жилища, особенно в этом непостоянном и нездоровом климате, тяжелы: всякая сырость и порча воздуха задерживаются в них долее, и многолюдная семья не может в них дышать так легко, как в деревянной избе. Четвероногие черкесы кладовых и чуланов предаются в них хищничеству с большим удобством; они прокладывают себе скрытые пути внутри самых стен, от основания до потолка. Да и самое производство постройки непривлекательно – что-то вроде горшечного дела; и если б Диоген явился не в Афинах, а в Черноморье, то эмблемой человеческого приюта избрал бы он не бочку, а глиняную макитру¹¹. Но покамест еще только такие жилища доступны средствам черноморцев. Их безлесный край осужден снабжаться строевым лесом издалека: с Дону и из-за Кубани, от горцев. На Дон – далеко и дорого, а на Кубани, по военным обстоятельствам, не всегда бывает лес в привозе. Первые оседлые обитатели Черноморья, казаки екатерининского века, не находя приюта на поверхности обнаженной пустыни, зарывались в землянки, – и эти мрачные, сырые убежища делались могилами для целых тысяч новосельцев.

Однако ж выгода глиняных жилищ та, что их нелегко берет огонь. Поэтому пожары довольно редки, не только в куренях, но и в городах, которых, как было уже упомянуто, три, а именно: Екатеринодар, Тамань и Ейск.

Екатеринодар — главный город в Земле Черноморских казаков, при реке Кубани, в 220 верстах выше ее устья, в 62 от крепости Устьлабинской, в 260 от Ставрополя и в 1400 верстах от Москвы. У горцев Екатеринодар называется Бжедугскяль, то есть Бжедугский город, по ближайшему его соседству с бжедугским народом.

Местоположение города, болотистое и нездоровое, представляет мало удобств для обитания, не только городского, цивилизованного, но даже самого простого и близкого к природе. Осенью и весной, нередко даже и среди зимы, улицы города бывают наполнены топями, почти непроходимыми. Тогда воз с тяжестью проехать по ним не может. Вследствие чего базары, на которые привозятся съестные припасы для пропитания городского населения, учреждаются вне города, и кому с какого угла надобно въехать в город, тот туда и направляется с поля, хоть бы для этого приходилось околесить верст десять. В то печальное время на главнейших площадях образуются озера, и люди, не любящие шутить, утверждают, что видят на них диких уток. Одна только привычка казаков ездить смело верхом по самым опасным, закрытым неровностям делает такое затруднительное положение городских сообщений выносимым. Но горе страннику, заброшенному судьбой или службой в войсковой город, во время растворения в нем пятой стихии! Извозчиков – и заведения нет, да хотя б и были, все равно оставались бы без практики.

¹¹ Большой кувшин, с широким отверстием. Замечательно, что у закубанских горцев архитектура тоже турлучная, хотя и живут они среди лесов. Подобные парадоксы можно объяснять не иначе, как застарелыми привычками народа, жившего когда-нибудь на другой местности, под другими условиями. В Закавказском крае встречаются поселения, которые, будучи расположены между лесами, употребляют на топливо кизяк, а не дрова.

Общая всему краю климатическая болезнь – лихорадка, спорадическая и эпидемическая, преимущественно гнездится и развивается в главном городе, при основании которого, на виду хищного неприятеля, внимание казаков было поглощено одними тактическими соображениями. Спасибо, что попало им в те поры место, обойденное с трех сторон болотами, за которыми можно было заснуть спокойно. Это же место было покрыто лесом. Лес рубили и около пней, без дальних хлопот, «будовали» хаты.

Много трудов было уложено на осушку города посредством канав; но это нисколько не помогло, потому что площадь, занимаемая городом, приподнята у краев и вдавлена посредине. Вид ее поверхности сравнивают с блюдом и находят, что сколько она удобна для огорода, столько же невыгодна для города.

Екатеринодар, так названный во имя, блаженной памяти, Государыни Екатерины II, основан в 1794 году. В протоколе об основании его сказано: «Ради войсковой резиденции, к непоколебимому подкреплению и утверждению состоящих на пограничной страже кордонов, при реке Кубани, в Карасунском куте, воздвигнуть град». Как видите, целью «воздвигнутия града» была опора кордонной стражи! Ныне в этом отставшем от современного значения граде насчитывается до 2000 домов, то есть хат, изваянных из глины вышеобъясненным способом и покрытых камышом и соломой. Частных каменных зданий ни одного, деревянных, под железной крышей, несколько. Хаты стоят в таких положениях, как будто им командовано «вольно, ребята»: они стоят и лицом, и спиной, и боком на улицу, какая в каком расположении духа, или как какой выпало по приметам домостроительной ворожбы, предшествовавшей ее постановке. Одни из них выглядывают из-за плетня, другие из-за частокола, третьи, и не многие, из-за дощатого забора; но ни одна не выставится открыто в линию улицы. Напротив, большая их часть прячется в глубь двора, сколько можно догадываться, по сознанию своей некрасивой и бедной наружности. В хатах и дворах соблюдается чистота; на улицы выбрасывается сор, где и лежит он, пока поглотят его лужи. Эти улицы, кроме дарового света луны, когда он есть, не знают другого освещения. В начале нынешнего столетия они были очень широки и по бокам ровны. Теперь ширина их несколько сузилась и бока сделались зубчаты, словно речные берега, испытывавшие частые обвалы. И действительно, их непрочные заборы не далеко отошли от рыхлых берегов какой-нибудь степной речки. Эти частокольные и плетневые заборы, подгнивая в своем основании, часто требуют перестановки, а каждая перестановка, неизвестно для какого именно общего блага, выдвигает их вперед, все ближе и ближе к фарватеру улицы. Такое наступательное движение, совершаясь одинаково с обеих сторон, представляет печальную перспективу, или лучше сказать – уничтожает всякую перспективу в будущем развитии города¹². Если городильный материал будет оставаться надолго один и тот же, – в чем неуместно было бы сомневаться, – то легко можно высчитать время, когда обе линии той или другой улицы достигнут желаемого соединения, сольются как половинки затворенной двери. Тогда, – что ж тогда будет с этим бедным бурьяном, который, не подозревая возможности подобного события, беспечно и просто душно растет на улицах, к особенному удовольствию разгуливающих по ним животных, ненавидимых черкесами? До первой холеры произрастал на улицах войсковой резиденции, равно как и всех подчиненных ей куреней, бурьян мягких пород; с показанного же времени не только на улицах и площадях, но даже на выгонах и на всех больших дорогах появилась острая колючка, занесенная на Черноморье из Крыма, как полагают, в мычках извозчичьих лошадей. Этот растительный лишай с чрезвычайной быстротой распространился по всему лицу войсковой земли. Крапива любит развалины и запустение; крымская колючка, напротив, избирает для себя места жилые и усыпает своими иглами свежие следы человека.

¹² Нельзя ли из этого современного нам явления объяснить необыкновенное сужение улиц в азиатских городах?

Чтоб сократить дальнейшее описание Екатеринодара, – чрез что он ничего не теряет, – довольно сказать, что этот город имеет вид большого села, главная особенность которого состоит в том, что оно служит вывеской всех остальных сел в крае. Кто видел Екатеринодар, тому не для чего смотреть Черноморье.

Войсковой город Екатеринодар не подходит под общее учреждение городов в губерниях. Люди торговые, промышленные и ремесленные, люди собственно городских сословий могут иметь в нем временное пребывание, могут быть только гостями; но прав оседлости и гражданства в нем не получают. Оседлое же его население состоит исключительно из одних казаков, общество которых и составляет курень Екатеринодарский, нисколько не отличающийся в своем учреждении и быте от других куреней. Именуется этот курень городом потому, что в нем находятся власти, присутственные места и заведения, приличные городам, и потому, что имеет он герб, которого символы знаменуют сторожевое поселение у ворот государства. Жителей в Екатеринодаре до 8000 душ обоего пола. В том числе: генералов 2, штаб- и обер-офицеров до 150, урядников более 300 и казаков 3500. Лиц духовного звания 25. Временные гости и посетители города суть: русские люди податных состояний, армяне, жида и черкесы.

В Екатеринодаре имеет пребывание войсковой наказной атаман с главным войсковым управлением, военным и гражданским. Из общественных зданий города могут быть упомянуты 4 церкви православных, а одна армянская. Из них одна только православная церковь, устроенная в здании войсковой богадельни, каменная; все остальные деревянные. Возведенная в городской крепости, в первых годах нынешнего столетия, войсковая соборная церковь есть редкое по сложному и громадному своему составу деревянное здание, покоящееся на деревянных же стульях. Один архитектор назвал оное дерзостью архитектуры. В этой церкви три алтаря. Иконостасы алтарей величественны. Это не постройка мастера, а создание художника. Колонны, карнизы, резьба, живопись – все изящно. В левом приделе, с краю от дверей, стоит большая икона, представляющая сон Иакова. Не насмотришься на это высокое произведение неизвестной, но не дюжинной кисти. Лик спящего патриарха – страница из книги Бытия. В лицах и воздушной постановке крылатых небожителей, сходящих и восходящих по лестнице между небом и землей, отсвечивает тайное помышление: к чему нам эти ступени?..

Проспектом на соборную церковь проходит чрез весь город главная улица, называемая «красной». Никогда эпитет не был помещен так неудачно. На этой улице и еще на двух торговых площадях находится 160 лавок, из коих до 50 каменных; остальные деревянные. Вне города, на ярмарочной площади, устроено 248 лавок деревянных, принадлежащих войску и клонящихся к падению. Торговля имеет большое содержащее и малое содержимое.

Войсковая гимназия и первоначальное училище; духовное уездное училище; войсковой госпиталь; два провиантских магазина, войсковой и казенный; два пороховых парка и два арсенала; войсковая богадельня, – единственное в городе двухэтажное здание; войсковой острог, огороженный высоким дубовым тыном, как в старину огораживались наши города, и имеющий вид зверинца; карантинная застава; меновой двор для торговых сношений с горцами; паромная переправа чрез Кубань; два или три завода кирпичных, один пивоваренный и один салотопенный; остатки дубового палисада со стороны горцев и множество ветреных мельниц со стороны мирного населения; обезоруженная крепость, ровесница городу, и наконец рытвины и холмы старинного городища, над которым, в качестве позднейшей иеремиды, поместилась кордонная казачья вышка, – вот все примечательности Екатеринодара, устройство которого как нельзя больше выражает старинное казачье правило: «на границе не строй светлицы».

Однако ж, как богатство и бедность составляют понятия относительные, не подчиненные одному всеобщему мерилу, то и Бжедугскяль, в свою очередь, пользуется славой вели-

колепнейшего города в мире; пользуется он этой славой между обитателями бедных закубанских аулов, в глазах которых стекло в окне есть величайшая роскошь, и по сокращенной географии которых Русское государство не простирается от Кубани далее Дона.

Изменяются обстоятельства, изменится и войсковой город к лучшему. На этом пути начнет он с того, что перейдет на лучшее место, где не была бы затруднена не только органическая, но и промышленно-торговая жизнь. Таковым местом могла бы быть – *Тамань*, древняя Фанагория, Таматарха, Тмутаракань, – в эпоху завоевания края нашим оружием, – Турецкая крепость Хункала, ныне одна из небогатых и немногочисленных станиц Черноморского войска. Она лежит под 45° сев. шир. и 36° вост. долг., при восточной бухте Керченского пролива, на общении Подкавказья с Крымом. В 1848 году учреждено пароходное сообщение между Таманью и Керчью. В Тамани одна пристань для мелких судов, одна церковь каменная, 10 лавок и 150 домов, большею частью земляных и сложенных из обломков старинных каменных зданий, отрываемых из-под земли. Эти приземистые домики покрыты черепицей и землей. Под земляную кровельную насыпь подстилают морскую траву камку, выбрасываемую из пролива на берег. Камка имеет ту особенность, что никогда не гниет под землей. Общественных заведений, кроме убогой гостиницы и первоначального училища, никаких. Жителей до 1500 душ обоего пола. Из них 32 офицера.

Тамань носит название и имеет герб города по одним лишь историческим воспоминаниям; по настоящему же своему учреждению это курень, как и все остальные. Герб Тамани заключает в себе, сверх эмблем рыболовства и соляного промысла, великокняжескую шапку, в память существовавшего здесь в одиннадцатом веке русского удельного княжества. По положению своему на соединении двух морей Тамань может *встать из своего векового праха* и сделаться для Черноморья тем же, что наша северная столица для всего государства. Здесь войско «прорубило бы окно» для Феодосийской железной дороги и цивилизации внутренних провинций. Но для этого, да и вообще для приведения в надлежащий вид главного сухопутного сообщения Кавказа с Крымом, необходимо, прежде всего, подумать об устройстве прочной шоссейной дороги чрез болото, отделяющее Таманский остров от степного Черноморья.

Тамань лежит на песчаной равнине, у подошвы потухшего вулкана. Прежние обитатели этой местности умели заставить песок лежать смирно; не смел он шевелиться под виноградной лозой, курагой и другими садовыми насаждениями. При казаках же выходит, что в Екатеринодаре за грязью, а в Тамани за песком пройти трудно. Особенного сожаления заслуживают разорение и запустение водопроводов, обильно снабжавших Тамань пресной водой в прежнее время. Вода двух уцелевших фонтанов чрезвычайно приятна и здорова. Посредине города лежит обширный резервуар. Когда-то был он выложен камнем и наполнялся водой из окружавших его водометов; теперь он разорен и запущен, и если набирается иногда водой, так от одних лишь дождей или тающих снегов.

Смежно с Таманью лежит крепость Фанагория, построенная Суворовым в 1792 году. Она составляла последнее звено в цепи крепостей, возведенных на Кубани при основании здесь нашей линии, и в настоящее время упразднена, как и остальные ее сверстницы.

От города отжившего перейдем к городу, начинающему жить, к портовому городу *Ейску*. Этот, как обыкновенно пишут его теперь, юный город лежит у Ейской косы Азовского моря. Ейская коса, ближайшая к устьям Дона, вдается в море на семь верст и имеет вид искусственного мола, которого раздвоенная оконечность образует гавань, удобную для стоянки и загрузки больших судов. Ейск учрежден 6 марта 1848 года с целью доставить ближайший сбыт за границу произведениям Черноморья, Ставропольской губернии и земли Кавказских казаков. Он населяется людьми свободных податных состояний, без причисления их к казачьему сословию и с дарованием новосельцам льгот от податей и повинностей на пятнадцать лет. Из войскового сословия предоставлено селиться в нем только чиновным лицам

да казакам торгового общества. Устройство города идет быстро и правильно. Самые скромные домики возводятся из приличных материалов и с соблюдением всех условий городской архитектуры. До настоящего времени (1857 г.) возведено уже: фасадных домов 700, надворных жилых строений до 800 и лавок до 150; открыто магазинов 60; устроено заводов: кирпичных 20, черепичных 2, кожевенных 6 и маслобойных 3.

В числе двадцати тысяч городских жителей (как показано выше) состоит купеческих капиталов: первой гильдии 144, второй гильдии 37 и третьей 225.

Судов из-за границы бывает в приходе до 120 и в отходе около того же числа. Привоз заграничных товаров простирается на сумму до 51 500 руб.; отпуск за границу произведений Подкавказья – до 330 000 руб. сер. Привозятся: маслины, орехи, олиф, рожки, перец, сыр; отпускаются: пшеница, льняное семя, сурепка, шерсть, кожи.

Между городом Ейском и куренем Долгим, на берегу Азовского моря, в урочище «Широка Падина» поселена в 1852 году немецкая колония Михельсталь. В ней домов 32 и жителей 220 душ обоего пола. Жители эти переведены сюда из Острогожского уезда Воронежской губернии с целью служить казакам образцом добропорядочного хозяйства.

Из казачьих поселков, лежащих у берегов Азовского моря и обязанных своим происхождением рыболовному промыслу, заслуживает внимания Ачуевская усадьба, находящаяся при болотистом устье Протоки. Здесь самый богатый рыболовный завод, исстари принадлежащий войсковой казне и приносящий ей 30 тысяч рублей серебром годового дохода. Он помещается на остатках Турецкой крепости, которая когда-то замыкала вход в кубанские воды из Азовского моря. В этом месте, наиболее посещаемом судами рыбопромышленников, войско соорудило каменную церковь и на своем иждивении содержит ее причет.

По всему Азовскому поморью и по берегам Ахданиза, Кизилташа, Бугаза и Таманского залива лежат в холмах и рытвинах остатки крепостей, пристаней и селитеб татарских, генуэзских, греческих, – широкая нива для археолога. По Каракубанскому острову и вниз оттуда по протяжению правого берега Кубани до самого Бугаза тянется цепь опустелых, поросших травой, городков, в которых жили некрасовские казаки, служившие султану за иудины серебряники. С приходом сюда черноморцев, против которых дрались они как неприятели, некрасовцы перебрались за Кубань, к Анапе; а когда Пустошкин в 1807 году взял и Анапу, они ушли за море, в Турцию. Распространяющееся могущество отечества гналось за отступниками грозным преследователем. Настигаемые им всюду, они могли восклицать: куда уйду от духа твоего и от лица твоего куда убегу?.. Понесусь ли на крыльях зари, переселюсь ли на край моря – и там рука твоя поведет меня...

Поселения живые, нынешние курени, большей частью многолюдны, выражаясь точнее – многодворны, – и только. Говорить о каждом из них значило бы повторять непривлекательное и тем не менее с подлинным верное изображение главного войскового города. Из шестидесяти трех куреней только два инородческие непохожи на все остальные. Это Гривинский – Черкесский, при устье ерика Ангелика, и Адынский – Татарский, близ Ясенских соляных озер. Первый населен в 1798 году шапсугами, выведенными из-за Кубани уорком (дворянином) Али-Шеретлуком. Этот Али-Шеретлук, с немногими приверженными к нему подвластными, искал у казаков убежища от озлобленной против него демократической партии, которая в то время по милости Турецкого шариата усилилась в Шапсугском обществе до того, что ниспровергла древнее его феодальное устройство. Адынский курень населен в 1801 году крымскими татарами, жившими хуторами около Анапы, откуда грабежи и насилия горцев принудили их перебраться к черноморцам. В числе позднейших выходцев из-за Кубани приселились к Гривинскому куреню несколько десятков семей очеркесившихся армян и греков, предки которых завлечены были торговлей из Турции в ущелья Кавказа.

Местом первоначального поселения куреня Адынского был северный берег Таманского залива; но недостаток земли и другие причины заставили войсковое начальство пере-

вести его оттуда на теперешнее место в 1850 году. В то же время несколько десятков черкесских семейств с потомками уорка Али-Шеретлука отделились от Гривинского куреня и перешли в низовье Керпилей, к куреню Новоджерелиевскому, где составили особый поселок. Разом с ними армянские и греческие семейства отселились к куреням Брюховецкому и Переяславскому.

Оба инородческие куреня имеют общее со всеми прочими учреждение и управление, но в отбывании службы пользуются особыми льготами. Об отличительных свойствах их обитателей можно сказать, что черкесы самый беспокойный народ в собственном общежитии и в соседстве с казаками, а татары самые лучшие работники на соляных озерах.

Относительно всей совокупности куреней можно высказать два общие замечания: в куренях, прилегающих к рыбопромышленным водам, больше жизни, благоустройства и довольства, больше добрых нравов, – и самые казаки, взятые в смысле военных людей, бодрее, развязнее и смышленнее; напротив, в куренях степных, где преобладает пастушеский быт, меньше предметов, на которых глазам отрадно было бы остановиться; казаки менее развиты и более склонны к конокрадству и волокрадству, более подвержены этой нравственной болезни беднейшего класса войскового народонаселения. Те, наконец, из степных куреней, на полях которых меньше хуторов, имеют лучший вид и лучшую нравственность пред теми, которые сжаты хуторами. Все вообще курени населены простыми и мало-достаточными казаками. На пятьдесят домохозяев едва приходится один, который имел бы *свой плуг*, то есть мог бы пахать землю собственными средствами, не делая складчины с другими домохозяевами, *не спрягаясь*. Чиновные и сколько-нибудь состоятельные жители рассеяны в одиночку, по хуторам. Эти тучные отростки от тощего дерева разносят соки и глушат корни жизни общественной. Может быть, при степном скотоводстве, хутор, поселенный у места, столько же необходим, как кочевая кибитка; но нельзя не заметить, что казацкое общество тяготеет больше к своей окружности, чем к средоточию, что раздробление, особничество, или, как сами казаки говорят, «показанщина» (от слова казан, котел) составляют отличительную черту характера черноморцев. Им все как-то тесно, и в самом куренном поселении они отодвигаются сколько можно дальше один от другого. Они не сливаются в обществе, как камни в здании. У них каждая отдельная личность обчеркнута резко, угловато – не скоро подберешь и приставишь одну к другой, – и если у кого, так это у них *крайности соприкасаются*. Умственные способности и нравственные свойства не поделены в народе с приблизительной уравнительностью, – что в обществе человеческом так же благотворно, как ровная температура в воздухе, и чем Бог одарил великорусский народ, – не поделены, а брошены в толпу полными пригоршнями, на захват и наудачу. Сюда попало слишком много, туда слишком мало. Овому талант, овому пять талант. Можно сказать, что природа, засеяв поле умственно-нравственной жизни двух единокровных народов – великорусского и малорусского, в первом народе свой посев заборонила и поровняла, в последнем оставила так. Нет народа в великом племени славянском, более способного и готового, как народ малорусский, открыть в самом себе смешные и слабые стороны и осмеять их с беспощадным сарказмом. Все живущие в устах великорусского народа насмешки над простодушием хохлов, над упругостью их практического смысла, над неповоротливостью их соображения и эксцентричными странностями характера суть не что иное, как бледные переводы с малорусского. Что и показывает в одном и том же народе и силу, и немощь разума, избыток и нищету духа, на таких близких между собою расстояниях, что столкновения и разногласия между этими противоречиями неизбежны. Не печатанных Гоголей между черноморцами много. Москаль, себе на уме, – подсмеивается над хохлом, над немцем и татаринцом, а над собой нет. Черноморец, когда он создан с головой светлой и сердцем возвышенным, осмеет недостатки и слабости в отце родном, разругает низкое свойство и гадкий поступок в родном брате. Умственно-нравственные симпатии в его природе берут верх над симпатиями

плоти и крови, соседства и товарищества. Нельзя ручаться, чтоб он прикрыл упившегося Ноя.

К особничеству присоединяется наследованное казаками от отдаленнейших их предков, расположение к «байдикам» и «баглаям». Эти славянские, или куфические слова, по глубокой своей древности, сделались ныне не переводимыми, а смысл имеют точно тот же, что итальянское *dolce fare niente* и турецкий кейф¹³.

От соединения показанщицы с баглаями родится бедность, а от бедности происходит забвение различия между мое и твое. Впрочем, этот беспорядок обнаруживается только на степных табунах и стадах. Плохо лежит, брюхо болит¹⁴. Но кражи со взломом редки. От времени до времени на больших промежутках вспыхнет застрявшая где-нибудь в глуши искра бывшего запорожского гайдамацтва и составит шайка разбойников. Укрываясь в камышах и захолустьях степных балок, они нападают на беспечные хутора, пекут растопленной серой денежных людей, чтоб исторгнуть у них заветную кубышку с карбованцами, преследуются вооруженной силой и гибнут на виселице.

За особничеством следует или ему предшествует дробление семейств и дележ хозяйств. В черноморской казацкой хате не то, что в великороссийской крестьянской избе, — вы не найдете трех и четырех поколений на одних полотах. Здесь семьи вообще малолюдны; их не связывают в большие снопы ни рекрутская сказка, ни подушный оклад. Два-три сына старого казака, вступая в тот возраст, когда войско зовет их на службу Государеву, когда особенно должны бы они подать друг другу руку, чтобы отсутствие из дому одного вознаграждалось присутствием при домохозяйстве другого, — разрываются, роятся из отцовской хаты, следуя пословице: «не кайся рано вставши, а молод оженившись», — и каждый городит себе особый двор. Потом, покидая свою молодницу одинокой и беспомощной и напевая себе вполголоса:

Котилися вози з гори,
Поламались спиці,
Да вже-ж міні не ходити
На ті вечерниці, —

самобытный казак выезжает на службу, а в новой его хате, прежде чем паук успел раскинуть свой ткацкий прибор, поселяются бедность и нужда. Эти непрощенные жильцы встречают доброго молодца, когда он лихо, с пистолетным выстрелом, возвращается с служебной очереди, и они же — *male suada fames* — в ночной темноте, направляют его аркан на статного коня в панском табуне. Поучительно-печальная истина басни о молодом деревце, помогавшемся отдела от старого леса, является здесь в бесчисленных примерах. Справедливость требует, однако, сказать, что если обитатель Черноморья не любит сносить тяготы своего ближнего, то с удивительным терпением несет свое собственное бремя; товарищу, протянувшему к нему руку, отдает последний грош, не подумавши; за односума, оплошавшего в бою, умирает не колеблясь, и сокрытой от взоров людских горячей слезой кропит давно заросшую могилу брата, друга, благодетеля.

Непонятная натура. Что есть в ней лучшего, то скрыто, а пустяки и глупости снаружи.

¹³ По народной поговорке, баглаи бывают трех родов: школярские — поутру, бурлацкие — среди дня и панские — ввечеру.

¹⁴ Из ведомостей, по особенному случаю доставленных войсковому атаману от всех станичных правлений, за 1847 год, видно, что, в течение того года число покраж, о которых поданы были *письменные объявления*, было следующее: лошадей 681, рабочих волов 541, коров и быков 1111, разного гулевого скота 410 голов. Но по этим цифрам нельзя еще определить настоящую степень скотокрадства, потому что далеко не обо всех случаях кражи подаются письменные объявления, которые обыкновенно не приносят никакой пользы.

Рассказ шестой

Земельный уряд. – Хозяйство. – Промыслы

Переставь меня кормить, иди меня защищать.

Еще в недавние времена казак вне военной послуги был табунщиком, охотником и рыболовом. Эти промыслы, пропитывая и снаряжая воинственного сына степей, вместе с тем служили ему приуготовительными упражнениями для его казацкого военного призвания. Около табунов, незнакомых с стойлом, он делался наездником; около стад, угрожаемых зверем, – стрелком, бойцом. Он свыкался с невзгодами пастушеского и охотнического кочевья для перенесения трудностей и лишений бивака. В поисках, без дорог, за похищенными или затерявшимися животными, он изоощрял память мест и способность ориентироваться, в ясный день и в темную ночь, в дождь и в туман, – а от степного одиночества приобретал он терпение и чуткость, которые так нужны были ему для военных засад, для отводных одиночных караулов, разъездов, поисков. В рыбацьем дощанике знакомился он с бурной стихией, чтоб на другом поприще смело и ловко владеть веслом канонирской лодки. Таков был, таков и теперь еще отчасти домашний быт казака на Черноморье. Но это быт устарелый, опадающий лист с дерева, – его вытесняет новый земледельческий быт.

Как семейный и земский поселанин, приуроченный к своему водворению и повинности, стучащей на заре к нему в окно, и колыбелью, зыблющейся подле прялки его молодницы, нынешний казак сдружился с плугом и в нем ищет твердой опоры своему существованию. По изречению одного из семи мудрецов, он молится Богу о хлебе насущном, держась за плуг.

Впрочем хлебопашество Черноморского края составляет для народа предмет насущного только труда, а не богатства и даже не довольства. Оно чуждо всякого полеводного порядка и не всегда достаточно для пропитания местного народонаселения. Привоз хлеба из Ставропольской губернии обратился в существенную потребность екатеринодарских рынков и станичных ярмарок. Для продовольствия казаков на линии и в войсковом гарнизоне хлеб закупается за пределами войсковой земли, чаще всего в Воронеже.

Обыкновенным количеством засеваются на полях Черноморья озимых и яровых хлебов 50 тысяч четвертей; собирается 300 тысяч четвертей (сам-шест). Причитается на душу около двух четвертей.

Сбор картофеля от посадки в одну весну простирается до 15 тысяч четвертей. Разведение его сообщается от казаков и к мирным черкесам.

Значительная часть земледельческого труда посвящается огородам и бакшам, где и подсолнечнику дано право гражданства. По части огородничества больше видно внимания к свекле, чем к капусте. Табак, кунжут, сурепка, мак, лен и конопля могли бы возделываться с особенной выгодой, если бы для них оставались руки от земледельческого труда первой необходимости.

В обеспечение народного продовольствия, на случай неурожая хлебов, устроено по курениям до шестидесяти запасных хлебных магазинов, в которых нормальная засыпка должна состоять не менее, как из 160 тысяч четвертей; но, по ограниченности посевов и сборов, наличный состав ее редко доходит и до 50 тысяч четвертей.

Независимо от особенностей почвы и климата, успехам земледелия не вполне покровительствует тревожный быт жителей, которые обязаны не только в урочное для службы, но и во всякое другое время соблюдать боевую готовность для происходящей у них на пороге войны с горцами. Разрядив ружье и снарядив плуг, льготный казак не успеет иногда дотянуть починной борозды, как безочередной наряд отрывает его от мирного труда и переносит с поля пахотного на поле ратное. От этого происходит, что летние полевые работы в крае чаще

отправляются женщинами, чем мужчинами. Если в Риме был воздвигнут храм женскому счастью, то на Черноморье, бесспорно, заслуживало бы этой почести женское трудолюбие.

К высказанному более или менее случайному и преходящему неудобству присоединяется неудобство существенное, не только задерживающее развитие и усовершенствование земледелия со всеми его отраслями, но, вообще, противодействующее утверждению общественности и благосостояния в крае на прочных основаниях. Это, – чтоб не сказать более, – неудобство заключается в отсутствии уравнительного и положительного распределения земли.

Земля, населяемая казаками, есть земля войсковая, или подвижная, *terre mouvante*. Все казаки ей крепки, но она никому из них не крепка. На ней невозможно никакое частное потомственное владение; на ней допускается только пожизненное пользование. Это один из трех видов жалованья, производимого государством казакам за службу. Остальные два вида заключаются в денежной даче и льготе. Условия, размеры и порядок пользования войсковой землей до позднейшего времени не были определены законом, и самая земля не была приведена в точную известность межевым порядком, – «земля же бе невидима» (Быт. 1:2. – *Примеч. ред.*). Предоставлено было каждому члену войсковой семьи, как чиновному, так и простому, пользоваться землей по мере надобности. Такое патриархальное правило могло быть хорошо только в прежней отчизне черноморцев – на Запорожье, где все без изъятия казаки были равны по правам состояния, где военные чины имели значение должностей, в которые достойнейшие из казаков избирались свободными голосами куреней, на потребное время, и, по сложении которых, чиновные избранники опять становились в общий ряд с остальными членами своего сословия. Это были цинцинаты, которые вчера ехали в триумфальной колеснице, а сегодня тянули из воды рыболовную сеть. Но на Черноморье, где уже служба казачья соединилась с заслугой и выслугой, где поэтому явились бригадиры, полковники, премьер-майоры и секунд-майоры, и где от войскового «товарищества» резко отделилось новое, более требовательное сословие, «панство», – патриархальное поземельное правило, очевидно, не могло больше иметь места. Однако оно осталось во всей своей запорожской простоте и неопределенности. В первые десять – двадцать лет новой жизни войска на Кубани, пока еще земли было слишком много, а оседлого и зажиточного населения слишком мало, отсталая неуместность упомянутого правила не была замечается ни правительством, ни самими казаками. Но когда оседлая жизнь в крае утвердилась, население увеличилось и разжилось; тогда заметно стало, какой разгул произволу и насилию открывала пустота, оставленная в вышесказанном поземельном правиле. Тогда патриархальное «по мере надобности» обратилось в феодальное «по мере возможности».

Как между пользующимися и предметом пользования не было поставлено никакой посредствующей управы, то облеченные властью и чинами члены войсковой семьи сколько хотели и могли, на столько и расширяли размеры своего земельного пользования, не заботясь о том, что остается на долю их нечиновных собратьев, и не принимая в руководство другого правила, кроме правила тройного прямого, выражающего известную истину, что по брюху и хлеб, что большому кораблю большое и плавание. Такое направление родилось из самых приемов первоначального заселения земли. В то время, чтоб придать пользованию характер владения, чиновные члены войскового общества отособились от своих нечиновных сочленов и водворились хуторами в одиночку по глухим степным займищам. Материальным удобствам существования пожертвованы были обязанности и нравственные выгоды общежития. Расположились жить на вольной земле так, как бы пред словом жить не стоял слог: *слу*. Такой образ основного расселения войскового общества должен был иметь потом свое особенное влияние и на воспитание народа, и на дух войска, и на цивилизацию страны.

Призвав казаков на новое поселение, правительство дало землю вообще *войску*, сказать яснее – обществу, отнюдь не допуская каких-либо исключений или привилегий в пользу

отдельных классов, рангов и лиц. Никаких даже намеков на это не встречается в старых актах о войсковой земле. По естественному порядку вещей отличенные рангами лица могли и должны были иметь свои преимущества в земельном пользовании, не покидая народа одного с ними призвания и не уклоняясь за круг общинного пользования, – как это и указано в позднейшее время, и как это исстари велось в Кавказском войске. Трудно дойти, по каким феодальным преданиям при первоначальном заселении черноморцами войсковой земли общинное пользование ею, и самое даже призвание составлять общество оставлены были одним только простым казакам; чиновные же старшины, *яко вожди и наставники народа*, наложили руку на лучшие земельные дачи и сказали: наше!¹⁵

А к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет,
Тот с места жив не встанет.

Они жаловали землю друг другу письменными актами, в которых явилось, во всей ясности буквы, «вечно-потомственное владение». После того название «войсковой» осталось при земле, как почетное титуло. Жалованные акты не предъявлялись правительству и потому не могли иметь той прочности, какую воображали видеть в них и жалователи, и жалуемые. Главное дело в том, что связанные с ними отдельные земельные жалованья, под названием хуторов, не сопровождалось никакими межевыми действиями и освящениями и никакими даже полицейскими ограничениями. Единственным ограничением служили им пределы влияния и авторитета того или другого высокочиновного старшины. А потому, когда высокочиновный и далеко раздвигавший границы своего земельного довольствия старшина сходил в могилу и сам превращался в глыбу войсковой земли, тогда широкие границы его довольствия, потесненные новым, поднявшимся на верх лестницы войсковой иерархии, чиновным старшиной, суживались с быстротой утренней тени, – и оставленное первым движимое имение в рогах, гривах, рунах и скирдах превращалось в прах, как червонцы фортуны, прорвавшие ветхую суму нищего. Исполнялся со всей строгостью известный приговор, равно общий царствам, обществам и отдельным лицам.

Так возникли первые хутора, известные под именем «панских».

В течение времени сами куренные общества, другими словами – нечиновные члены войсковой семьи, увлекшись примером произвола войсковых патрициев, объявили за собою право жаловать хуторами своих собратьев, плебеев. Кому было тесно в курене, кому было нужно отодвинуться от его полиции и повинностей, тот ставил угощение куренному обществу и, под единственным влиянием угощения, получал от этого общества письменное, запечатленное бесчисленными рукоприкладствами, дозволение выселиться из слободы в поле, «сесть хутором». Народное *мы* потешалось тем, что из нечиновной массы выдвигались вперед люди, способные сидеть хуторами не хуже себялюбивого панского эгоизма. Но как печально было разочарование недальновидной толпы, когда созданный ею особняк-хуторянин, дослужившись чинов, делался паном и, обыкновенно, становился самым неумеренным притеснителем прежних своих сотоварищей, в земельном пользовании; или когда хуторок простого бедного человека, посредством продажи, дара и наследования, переходил во владение «заможного» пана, и когда этот новый заможный владелец – на отведенный для нескольких десятков животных лоскут земли переводил огромную худобу (четвероногое хозяйство), в игольное ухо вводил верблюда. Тут уж просто повторялась уловка Дидоны, которая, по словам исторического предания, выпросила себе под усадьбу земли столько, сколько могла

¹⁵ Утешительно сказать, что такие распоряжения, при нынешних мерах благоустройства края, можно уже считать делами давно минувших дней, *преданьем старины глубокой*.

занять одна воловья кожа, потом изрезала кожу на тонкие ремни и, приставляя их один к другому, захватила обширную площадь.

В нынешнее время различие между хуторами панскими и куренными исчезло. И те и другие, раздвигая свои земельные дачи произвольно, почти в самые улицы куреней, расширенных увеличившимся народонаселением, равно сделались несносны куренным обществам. Завязалась неугомонная, недостойная благоустроенного края борьба между куренями и хуторами. Чтоб остановить и сократить земельные захваты хуторов, курени выдвигают против них свои плуги, подходят под них траншеями, ископанными ралом; а хутора, в виде усиленных вылазок, напускают на куренные пашни свои стада и табуны. Борьба, как видите, земледельческого быта с пастушеским. Неурядам, жалобам и искам, самым нелепым, нет числа. Казаки «оборали» пана, а пан порубил казачьи плуги и вытоптал посев казачий. Урядник посеял жито, а сотник, по его житу, взял да посеял пшеницу, и тому подобное. Бог знает, как бы далеко зашла эта поземельная усобица, если бы не подоспело войсковое положение 1842 года. Напомнив казакам общинное значение войсковой земли, оно взялось сделать то, чего дотоле недоставало и в чем была ощущаема, в среднем и низшем слое войскового населения, настоятельная потребность – определить условия, размеры и порядок пользования землей, постановить строгую управу между пользовщиками и предметом пользования. Не многих особняков, приверженцев бездоказательного дела хуторов, оно смутило; народ и большинство войскового дворянства его благословили, и нетерпеливо ждут дня, когда будут введены в обетованную землю, когда новый земельный порядок из книги перейдет в дело.

Войсковым положением указано учинить межевое измерение и распределение войсковой земли и отвести в пожизненное пользование: на каждого казака по 30¹⁶, обер-офицера по 200, штаб-офицера по 400 и генерала по 1500 десятин. Приведение сей Высочайшей воли в исполнение составляет одно из текущих распоряжений настоящего времени. Туман неизвестности, со времен Чингисхана носившийся над курганами и балками войсковой степи, редет пред планшетом съемщика; веха землемера маячит объявлением: *nes plus ultra*, а цепь его звучит радостной вестью: на земли мир...

При вышеизъясненном положении обитаемой и обрабатываемой земли на Черноморье земледелие занимает второстепенное место в ряду предметов народного хозяйства; на первом же плане находится худобоводство, то есть скотоводство, овцеводство и коневодство. Худобоводство принадлежит преимущественно панскому сословию.

Равнинные пространства Черноморья расстилаются одним необъятным пастбищем, где по всем направлениям движутся худобы рогатого скота, овец и лошадей, род которых переведен на Кубань с Днепра, из богатых зимовников Запорожья, – последнего, уже не любившего рыцарской нищеты, Запорожья. Рогатый скот отличается крупным ростом и дородством, шерсть имеет сивую и принадлежит к известной породе украинской, или черкасской; овцы, молдавской породы, замечательны своей длинной, но жестковатой шерстью; лошади составляют поколение, конечно, уже переродившееся, степных запорожских заводов. Масти их преимущественно темные.

Для улучшения степного коневодства был учрежден на реке Керпилах в 1811 году войсковой конный завод. Существовал он более двадцати лет, но без заметной пользы для края, и перевелся сам собой. В бедственный 1833 год все, состоявшие в нем матки, сосуны и производители погибли от неурожая кормов, – так, по крайней мере, гласят официальные отчеты того времени.

¹⁶ По нынешнему числу жителей приходится только по 16 десятин на душу мужеского пола. Недостачу земли легко пополнить водой, которой здесь так много. То есть можно наделить рыболовными водами станицы Таманского острова и другие приморские. Дав простор станицам степным, эта мера оживила бы население и промышленным трудом речные устья и морские берега, которые при тридцатидесятином наделе землей по необходимости должны оставаться пустыней. Эта же мера воспитывала бы способных людей для службы на флотилии, в которой была и может еще быть надобность.

При двух или трех частных отарах простых овец имеются в небольших количествах тонкорунные цигаи. Это обломки существовавшего здесь войскового овчарного тонкошерстного завода. В 1816 году был учрежден, тоже на реке Керпилях, сказанный завод и при нем фабрика для выделки сукон, годных казакам на обмундировку. И завод, и фабрика шли не так-то хорошо: войсковая казна тратилась, не покрывая расхода приходом, и потому оба заведения проданы в 1846 году на слом.

По последним сведениям насчитывается в пределах Черноморья, независимо от езжалых, или рабочих животных, рогатого скота до 200 тысяч, овец простых до 500 тысяч и тонкошерстных около 2 тысяч, лошадей до 50 тысяч поголовьев¹⁷.

Для прокормления этих масс животных заготавливается на каждую зиму сена средним числом 85 000 стогов, или 21 250 000 пудов, на сумму до 700 000 рублей¹⁸. (Как здесь, так и во всех дальнейших случаях, счет денег – на серебро.)

Для обозначения принадлежности мелкие животные имеют клейма на ушах и рогах, а крупные тавра (тамга) на ляжках. Тавро обыкновенно состоит из начальных букв имени и прозвания худобовладельца; но попадаются и особенные иероглифы. Буквы берутся из русского алфавита, который поэтому осужден бродить в беспорядке и врассыпную по всей степи. Иногда из сближения разнотаврных животных выходят забавные каламбуры. Из тавр составляется своего рода геральдика, изучение которой обязательно для пастухов и табунщиков больших худоб.

Каждый год закупается в Черноморье наибольшим количеством рогатого скота 30 тысяч, овец 150 тысяч и лошадей 5 тысяч голов, на сумму от 800 тысяч до миллиона рублей. Шерсти, кож и сала вывозится на 100 тысяч рублей. За пару волов платится на месте 30–125, за корову 10–20, за овцу 2–3 1/2 и за лошадь 20–80 рублей. За пуд кож бычьих 5, за пуд шерсти простой 2 и за пуд сала 3 руб.

Рогатый скот и овцы выгоняются из Черноморья в Воронежскую губернию, откуда большая их часть, живьем или в продуктах, идет в обе столицы. Лошадей гоняют на ярмарки в Ростов и Бахмут, откуда лучшие, из вторых или третьих рук, достигают Бердичевской ярмарки. За удовлетворением домашних требований в дивизион лейб-гвардии, в конные полки и войсковую артиллерию, черноморские табуны снабжают лошадьми артиллерию, конно-подвижные парки и полковые обозы кавказской армии. Этими же лошадьми ремонтируется отчасти и нижегородский драгунский полк. За подъемную лошадь платят до 40, за ремонтную до 80 руб., редко дороже. Черноморская лошадь имеет шею плотную и короткую, голову большую – что отнимает у нее статность, легкость и способность сбираться на мундштуке. Зато она крепко сложена, сильна, тверда на ногах, крайне переносчива, неразборчива в корме, чутка и памятлива; при всем этом, однако ж, дика и своенравна, и больше имеет нужды в узде, чем в шпоре. На это у казаков ведется поговорка: «кінську голову знайди, и ту зануздай». В горах Грузии долго сохраняет она память о своих родных равнинах и по ним тоскует; вообще же, не скоро свыкается и скоро разнакомливается с седлом и упряжью; но когда не выходит из-под седла и из упряжи, трудно найти коня, более способного к походам продолжительным, сопряженным с недостатками и лишениями. Наконец лошадь черноморская, как и все вообще лошади глубоких степей, недоверчива и пуглива. Последний недостаток вселяют в нее с самого раннего возраста ночные нападения волков на табуны¹⁹. Впрочем, у казаков это еще не большой руки недостаток, потому что он граничит с качеством, в высшей степени похвальным: эта же самая полохливость, подавляя в коне беспечность и

¹⁷ Домашних свиней насчитывается в крае до 60 тысяч голов.

¹⁸ Добывается в год соломы до 2 миллионов пудов. Заготавливается для топлива бурьяну 50 тысяч и камышу 80 тысяч кубических сажней.

¹⁹ Раны, нанесенные волками жеребят, лечат промываниями из майской дождевой воды, которой для этого и запасаются в мае на все лето.

сонливость, поддерживает в нем чуткость и осторожность, – а что казаку больше нужно, как не это?

Донская лошадь отличается от черноморской тем, что она выше на ногах и легче, и что шея у нее длиннее и гибче. Черкесская же лошадь превосходит и ту и другую легкостью, соединенной с силой, умеренностью в корме и пойле, добронравием и смелостью. Впрочем, два последние качества в черкесской лошади не столько врожденные, сколько приобретенные. Под оплошным седоком и эта лошадь пуглива. Черкес в седле не спустит рукавов и не оставит нагайки без дела ни на одну минуту. Черкес в седле безжалостный тиран коня; но как скоро вынул ногу из стремени, он делается рабом и нянькой своего усталого скакуна. После арабов никто не школит лошадей так жестоко и вместе не ухаживает за ними с такой заботливостью и нежностью, как черкесы²⁰.

Ничего похожего на это нельзя сказать про уход за худобами на Черноморье. Их не укрывают от ненастья, им не оказывают никаких пособий, когда губит их зараза. Круглый год скитаются они на подножном корме и довольствуются сеном только в случае сильных морозов, глубоких снегов и гололедицы. Вследствие скудного питания, животные выходят из зимы – кости да кожа (хурда), весной набирают тело, из которого теряют половину среди лета от нужи – комара и мухи, – и только осенью достигают полной сытости, которая и служит им запасом самопитания в зиму.

Плохое содержание, водопой из стоячих вод, гнилостные испарения из болот, злокачественные росы, самое даже скопление животных в большие гурты и другие, еще недознанные причины производят в худобах, а больше всего в рогатом скоте, повальные болезни и падежи. Чума, сибирская язва или карбункул, рак на языке, воспаление легких и кровавая дизентерия опустошают стада рогатых, а оспа, парши и мотлица (*tabes hepatis*), пуще волчьих поборов, сокращают отары овец. Замечено, что в местах, где нет рек с стоячей водой и где скот поят из копаней, как, например, по хуторам «Гречаной балки», падежи бывают слабее.

К козам не пристаёт зараза, и самые волки их обходят, не из страха, но единственно из желания не заводить шуму. Лошади подвержены болезням гораздо меньше, чем другая худоба, но зато гибнут они, иногда целыми косяками, от внезапных катастроф зимы, каковы метель и гололедица.

Зимние метели в открытых степях ужасны. Они бурлят иногда по несколько дней сряду. Среди теплого, ясного и тихого дня воздух вдруг начинает холодеть и мутиться. Небо из синего делается серым. Курганы, пригорки, дороги являются не на тех местах, где вы их привыкли видеть. Знакомые предметы кажутся незнакомыми. Былинка вдали представляется деревом, собака конем. Не задумывайтесь в эти минуты, а то как раз сблудитесь. Потом показываются и медленно кружатся в воздухе легкие снеговые пушинки, и воздух как будто колышется. Потом вдруг – фрррр, – самый большой мех Эола лопнул и снег начинает сыпать хлопьями. Наконец, небо и земля исчезают; все воздушное между ними пространство наполняется густой снежной пылью, которая забивает человеку зрение и дыхание. Теперь уж не до езды, – поверните коня из-за ветра и стойте. И слышно ли вам, как режут где-то недалеко стада?.. Буря срывает их с становищ, крутит и мечет на все стороны. Над курганами, оказывающими сопротивление стремительному потоку воздуха, вздымаются смерчи. В эту недобрую годину волки рыщут стаями и беспощадно режут отбившихся от кучи животных.

²⁰ Кавалеристам любопытно будет знать две вещи: первое, что черкесы считают большим вредом для лошади постоянно содержать ее в хорошем теле. Лошадь, как луна, говорят они, должна то и дело переходить от полноты к ущербу и обратно. Второе, что скребница и щетка никогда не должны касаться лошади. Вместо этих грубых орудий черкес употребляет собственную пятерню, и как летом, так и зимой моет коня на реке водой с мылом, – после чего держит его в реке так, чтобы вода доставала до брюха и холодным своим прикосновением заставляла коня вбирать живот внутрь как можно глубже. Конюшня у черкеса всегда темная, темнейшая.

Рогатая скотина и овца стоят крепче против натисков непогоды; они сколько-нибудь свичны с базом, за ними могут следовать пастух и собака. Верный пес идет за стадом и тогда, как уж оно разбито бурей и покинуто пастухом. Но лошадей, гуляющих вольными табунами по широкому раздолью, буря, случается, заносит без вести, иногда сбрасывает с обрывистых берегов в море и в лиманы, где они идут под лед или гибнут от голода в снежных сугробах, сбившись в кучу и обгрызая одна другой гривы и хвосты.

Другое, гибельное для худоб, явление зимы в степи, — гололедица. Ее производит мороз, прервавший шедший дождь, — что так обыкновенно под этим изменчивым небом. От гололедицы особенно терпят лошади. На их долю заготавливаются на зиму самые скудные запасы сена, потому что природа дала коню способность добывать себе сухой подножный корм, «калдан», копытом из-под снега. Но эта способность оказывается недействительной, когда посохшая на корне трава покрывается ледяной корой, не уступающей ударам твердого копыта. Тогда глаз видит, да зуб не имеет, — и бедный конь, набив себе без пути ноги и пону-рив голову, испытывает мучения Мидаса.

Независимо от невзгод метеорологических, бывают бедственные годы — засуха, повсеместный неурожай трав. Тогда крайность доходит, среди зимы, до того, что сдирают с хат старые соломенные крыши и обращают их в корм голодающим животным. Бывают и частные случаи, ввергающие худобохозяев в отчаянное положение. Осенний пожар, запущенный в степи для очищения старых полей от сорных растений, возьмет иногда направление к сеннику и уничтожит сотни тысяч пудов сена — обеспечение существования нескольких тысяч животных. Так в недавние годы погиб богатейший в Ейском округе скотный завод Бардака, преемника Цымбала, славившегося рогатой худобой еще в Запорожье. Уже в позднюю осень степной пожар истребил обширные бардаковские сенники. На ту же беду подскочила жестокая и продолжительная зима. Надобно было приобретать сено и солому по неслыханно дорогим ценам, а под конец зимы не было уже возможности достать их ни за какие сокровища. Худоба начала валиться, и конец был тот, что из двух тысяч голов рогатого скота отборной, известной на весь округ породы вышло из зимы только двести штук. Несчастье это сразило и самого худобовода: сильный человек запорожского закала и покроя, человек, которому стоило только схватить дикого быка за рога, чтоб смять его, как козленка, запечалился, слег и больше не вставал.

Про неурожайные годы сама природа учредила на Черноморье запасные магазины кормов, большая часть которых замкнута, однако ж, для худоб, на все время, пока будет оставаться отворенным храм Януса на границе. Это плавни, или глубокие болотистые займища, загроможденные всяким растительным хламом, на который нет засухи и неурожая и которым можно не побрезговать в нужде. Плавни Кубани, как театр линейной казацкой войны, — театр с самым слабым освещением, — неприступны для мирных стад и табунов. Но в другие плавни, отодвинутые от линии и от хищничества горцев, крупные худобы приходят искать спасения от голодного моря. Особенно сбиваются они в низовьях Протоки и около заливов Ахтарского и Бейсужского. И тогда сходятся на одной черте два, столь различные, промысла — худобоводство и рыболовство. Чем пользуясь, мы перейдем к рыболовству.

В морских и речных угодьях Черноморья ловятся: осетр, как величали его сластолюбцы Древнего Рима, юпитеров мозг; севрюга, визг, или шип — помесь осетра и севрюги; белуга, сула, иначе судак; чебак, иначе лещ; тарань, сазан, населяющий лиманные и речные воды и поражаемый слепотой, когда буря или охота странствовать завлекут его в горько-соленые пучины моря; сом, долговечный жилец кубанских суводей; сельдь, редкий гость восточных берегов Азовского моря, селява или шамая, рыбец, кефаль, которой икра высоко ценится константинопольскими греками; камбала²¹; тучный скат (*rasa pastinaca*) и дельфин.

²¹ Новогреческое слово, происшедшее от эллинского *кимбали* — древнее музыкальное орудие, на которое камбала

Как около пастбищ, хищный зверь, так около рыболовных вод промышляет шумными стаями хищная птица: пеликан (баба-птица), баклан, цапля, нырок и мартышка – martin rescheur. В нравах этих крылатых рыболовов подмечаются черты, достойные внимания естествоиспытателя, или, по крайней мере, естествонаблюдателя. Пеликан и баклан, соперники по ремеслу, отличаются, к удивлению, дружбой и взаимной услужливостью. Когда, при холодном ветре и пасмурной погоде, рыба сбивается в колоды и опускается ко дну; когда тяжелый и важный пеликан безуспешно погружает в мутные волны свой нос, длинный и закругленный, как щипцы кузнеца, тогда проворный и ловкий баклан ныряет на дно, выносит оттуда добычу и поделается ею с своим высокостепенным, но голодным соседом. После завтрака благодарный пеликан принимает под свое широкое и теплое крыло и обогревает промокшего до костей водолаза. Увидав из камыша эту странную чету: неподвижного, невозмутимо-важного пеликана в огромном жабо, и торчащую из-под его крыла вертлявую голову баклана с красными, плутовскими глазами, охотник позабудет о выстреле и покатится со смеху. Вот они: меценат и сочинитель похвальных од – в перьях! И не правда ли, что человеку стоит только заменить своим разумным покровительством уютное крыло тяжелой птицы, чтоб сделать баклана для рыболовства тем же, чем делается на рукавице охотника сокол и ястреб для птицеловства? Если верить путешественникам, – да как же, впрочем, им и не верить? – в Китае действительно существует подобный род рыболовной охоты.

Во всех рыболовных местах, лежащих в черте морских, приморских и речных вод, находится рыбопромышленных заведений, называемых забродами, более 300. Из них рыбоспетных заводов до 200. По этим заведениям действует: кармаков, или крючьев 700 тысяч, волокуш 80, неводов 30 (самая большая длина невода тысяча сажень), сетей 500, лодок разной величины и под разными наименованиями, как-то: дубов, баркасов, дощаников и каюков 300 и рыбаков 3000 человек. На приготовление рыбы потребляется до 200 тысяч пудов соли в год²².

Рыболовный завод составляют: помещение для рабочих, магазин продовольственных и других необходимых для них запасов, амбар для соли, кояги, или солила, устроенные в виде больших закровов, рыболовные снасти и приборы, как-то: для открытых вод – невода, волокуши и кармаки; для гирл, устьев и вообще малых и тесных вод – сети, вентери, сандови и разных родов самоловы; сверх того, для зимних подледных тоней – топоры, ломы, багры, бузлуки – подвязные подковы к сапогам для твердой ходьбы по льду. Производство рыбной ловли посредством показанных снастей общеизвестно. Мы скажем несколько слов о тех только рыболовных способах, которые не везде известны, или которых употребление не слишком обширно. Вот, например, способ, составляющий скорее удальство охотника, чем работу промышленника, и подходящий к тем способам, какими китов ловят.

В безоблачные летние дни, при совершенном спокойствии в воздухе и на море, морская рыба, преимущественно белуга, подходит к устьям рек и гирлам лиманов «обмывать жабры пресной водой»²³, и, всплывая на зеркальную поверхность взморья, приходит в неподвижное, сонное состояние. Вооружась сандовями, то есть железными трезубцами, насаженными на шесты, к которым прикреплена длинная бечева, ловкие рыболовы тихо подплывают на лодках к дремлющим рыбам и, сколько есть силы, пускают в них сандовями. Ощувив удар, рыба стремительно идет в глубину, унося в своем туловище железо сандови, которой привязь между тем свободно попускается с лодки. Чрез короткое время пораженная рыба лишается сил и без труда притягивается к лодке. Этот род рыболовства требует меткости и силы

похожа видом.

²² Для просола одной тысячи штук сулы требуется соли 20, а тарани 5 пудов. На просол одного пуда красной рыбы идет 10 фунтов соли, т. е. четвертая часть веса рыбы. Крымской соли, как более крепкой, может быть употреблено меньше.

²³ В жабрах ее заводятся от горько-соленой воды тонкие и длинные черви, которые ее беспокоят, пока не выпадут от действия на них пресной воды.

в ударе (здесь-то казацкая рука наметывалась когда-то на удары пикой) и глубокой тишины в подъезде: не только от малейшего шума, всплеска, но даже от тени, упавшей от лодки на поверхность воды, рыба пробуждается и, востепенувшись, исчезает в морской пучине.

В Таманском заливе ловят рыбу камбулу с помощью огня. Выбрав темную и тихую ночь, отправляются на промысел в двух лодках, между которыми, от борта одной до борта другой, протянута при самой поверхности воды рогожа. На лодках зажигается яркий огонь. Рыба всплывает на свет, вспрыгивает над водой и падает на рогожу, а оттуда, разумеется, поступает в мешок.

В устьях мелких степных речек большими количествами ловится по весне тарань. Эта скромная рыба, приготовляемая впрок, составляет для казака такую же насущную потребность в быту домашнем, как добрый друг русского воина сухарь в быту походном. Вяленая и копченая тарань расходуется, с весны, сотнями тысяч по всему Черноморью и составляет запас здоровой пищи для косарей на время летних постов. Для лова тарани употребляется вентер²⁴. Это огромный самолов, устроенный из нити и обручей так, что зашедшая в него нехитрая и смиренная рыбка, какова тарань, не может найти обратного выхода. Тарань в море то же, что овца на суше: стоит только одной войти с простоты в самолов, за ней ввалится целый табун. Вентеры ставятся один за другим, вдоль речного устья. От каждого из них раскинуты на обе стороны крылья, направляющие рыбу в ловушку. Рыба идет сперва вверх, против течения реки, стало быть из моря в степь, а потом, когда вымечет икру, отходит назад в море, уж по течению реки. В первом случае она называется «ходовик», а в последнем «утекач». Само собой разумеется, что ходовик наполняет вентер передние, а утекач, в свою очередь, задние, делающиеся передними. В средние же ставки попадает лишь то, что не попало ни в передний, ни в задний вентер. По-видимому, средние ставки должны быть самые невыгодные. Но как они, по своему срединному положению, не остаются без дела ни при наступательном, ни при попятном походе рыбы, то двойной, хотя и умеренный лов приводит их выгоды в равновесие с выгодами крайних ставок. Горациева золотая середина и здесь не остается в накладе. Однако в отклонение споров да переколов, рыболовы разбирают места для вентерных ставок по жребью.

Чернь морских рыб – тарань никогда не поступает на рыбоспелные заводы. Легионы ее, попадающие в морские неводы и волокуши, выпускаются обратно в море или отдаются за дешевую цену, прямо из волокуш и неводов, жителям приморских куреней и поселков. Сотни семейств, не имеющих достатка для производства лова собственными средствами, являются к чужим тоням с подвижными солилами и, забирая тарань из снастей, солят и спеют (сушат. – *Примеч. ред.*) ее мелкими партиями. Этот второстепенный промысел называется «толовирством». Само собой разумеется, что забродчик смотрит с некоторым неуважением на толовирщика, который является с поклоном только туда, где есть удача; а от несчастливых тоней идет дальше, как муравей от пустой житницы.

Все рыбопромышленные воды принадлежат войсковой казне и отдаются на откуп, от которого получается дохода в год 82 тысячи рублей²⁵.

Лов рыбы разделяется, по числу годовых времен, на четыре периода: «весняный», с ранней весны до мая; «меженный», с мая до сентября; «просольный», с сентября до заморзания заливов и взморьев, и «подледный», от заморзания до вскрытия лиманных и морских вод. Первый из этих периодов, начинающийся в минуту пробуждения от зимнего замиранья всех жизненных сил природы, разлития рек и вторжения пресных вод в морские лиманы,

²⁴ Не от латинского ли *venter*, чрево? Устройство и самое действие вентера действительно схоже с брюхом и его пище-приемным каналом. В один раз набирается с вентер до 15 тысяч тарани.

²⁵ Ныне составляются правила для взимания прямого дохода с производителей рыболовного промысла без посредства откупа. Одни только устья Протоки, на которых существует богатейший заброд *ачуевский*, будут оставаться в откупном содержании.

составляет золотое время для рыболовов. Тогда белая морская рыба подходит к берегам для помета икры; она ищет теплых, мелких и спокойных вод, и несметными полчищами заходит в ерики и лиманы, в эти естественные садки и ловушки. Противоположную крайность представляет период меженный. Рыба перемежается, заброды пустеют, и немногих забродчиков, остающихся верными своим мрежам, народная поговорка относит к разряду людей сомнительного трудолюбия: «на межень иде лежень».

Осенний период называется просольным, потому что вылавливаемая, в продолжение его, рыба не спеется и не в корень, а слегка просаливается. Уловы просольного и подледного периодов отличаются не столько количеством, сколько качеством рыбы; в это время бывает она особенно вкусна. Лучшие балыки готовятся из февральской и мартовской рыбы.

Для подледных тоней вырубается две большие полыньи, на расстоянии нескольких сот сажен одна от другой. На обе стороны от той и другой полыньи пробивается полукругом множество малых и частых прорубей, охватывающих своим расположением обширную площадь. На поверхности этой площади стараются как можно меньше ходить и шуметь, чтоб рыба под льдом не полошилась. Совокупность полыней с прорубями имеет вид вместительного знака и называется «сал». (На открытой воде так называется всякое пространство, захваченное снастью.) В одну из полыней невод погружается, а в другую вытягивается. Полукруговые линии боковых прорубей служат путями для провода неводных урезов, с помощью шестов и багров, под льдом, от полыньи погрузной до высыпной. Подледный лов дело не легкое. Чтоб управиться с одной неводной тоней – дня мало.

Во всякое время года благоприятно действует на производство лова умеренный северо-западный ветер «горбатов», правильнее арабатов (от арабатской косы Азовского моря). Как бы ни устали рыболовы в протечении дня, но если добрый их союзник, горбатов, потянул ночью, они и ночь еще проработают. Сильный ветер затрудняет и даже останавливает неводной и волокушный лов. Волнение спутывает и ссучивает снасти. Если море разыгралось после засыпки невода, то забродчики прекращают тягу и спешат убрать невод в дуб, – что не легко сделать с двухверстным протяжением бечевы и нити. Приходится иногда, для спасения снасти, резать ее и кусками выхватывать из бушующих волн. Кармачному лову, напротив, непогода на море благоприятствует. Волнение раскачивает крючья и насаживает на них самую осторожную рыбу. Но как кармаки становятся в открытом море, не ближе пяти верст от берегов, то надобно, чтоб забродчики не боялись гнева моря и молодецки пускались чрез горы и пропасти волнения к обуреваемым снастям. Трусы просидят непогоду на берегу, и та же самая зыбь, которая набила рыбу на крючья, посрывает ее с них и унесет за кармачную линию, нередко даже расстроит и разрушит самую снасть.

В те времена, как казаки свободно промыслили, по их выражению, добывались в войсковых рыболовных водах, порядок в рыболовном деле был такой: забродчики не договаривались на денежную плату, как наемники, но работали на долю, «на добычь», разделяя с производителем промысла успех и неудачу пополам. Для них этот промысел был тираж лотереи, положенной в закрытую урну моря. Черноморские, так же точно, как и запорожские казаки, не принимали в свой язык обыкновенного выражения: ловить рыбу; вместо того они живописно изъяснялись: «добываться, ити на добычь». Они возвышали в своем взгляде и в своей речи трудный, опасный и неверный, как сама война, рыболовный промысел. Вооружась веслом и неводом, они проникались молодецким одушевлением, как бы шли на победу и завоевание, – и действительно, окончание каждого рыболовного периода праздновалось у них, как возвращение из похода с победой и завоеванием. Свежее предание свидетельствует, что, доколе казаки, а не «городовики» работали на забродах, рыбы вылавливалось несравненно больше, и что, как на Запорожье, так и на Черноморье, в былое время самые сильные, расторопные и храбрые казаки выходили из забродов. Один такой казак тянул за собой в бой десять других, взявших пику после пастушеской укрючины.

Каждый из четырех рыболовных периодов оканчивался на забородах дележом вылова, «дуваном добычи», между заводчиком и забродчиками. Отложив из всей добычи одну долю на покрытие издержек, употребленных хозяином на содержание ватаги, и другую на уплату в войсковую казну пошлинного налога, чистый затем прибыль делили на две половины, из которых одну забирал забродохозяин, а другую ватага. Последняя вела потом свой частный дуван. Атаман ватаги, как указчик и предводитель промысла, брал двойной пай против рядового забродчика. Этот старинный обычай сохраняется на некоторых забородах и донныне; но откупщики предпочитают ему простой способ найма работников за деньги в тех губерниях, где рабочее руки не дороги.

На всем пространстве рыбопромышленных вод годовой вылов рыбы, средними количествами, простирается: сулы до 4 миллионов, тарани 5 миллионов, сазана 200 тысяч, чабака 50 тысяч, рыбаца 30 тысяч, и селявы (шамаи) 300 тысяч штук; красной рыбы до 40 тысяч пудов; икры из белой рыбы, или галагану до 40 тысяч, икры из красной рыбы до 4 тысяч, клею до 100 и визиги до 200 пудов, жиру до 2 тысяч ведер.

Лов сельдей незначителен, и для приготовления их не употребляется никаких усовершенствованных способов, как например – способ корнваллийский.

Средняя на местах лова продажная цена рыбы, спетой и в корень соленой: красной 3 руб. за пуд, белой от 10 до 60 руб. за тысячу. Рыба и произведения ее вывозятся водой в Ростов, Таганрог, Бердянск и Одессу, – сухим путем, в Землю Кавказского войска и Ставропольскую губернию. Сбыт рыбы последним путем доставляет извозчищюму промыслу работы на 2000 подвод в год. Из Ростова и Таганрога рыба расходуется по южной полосе России и Польше, а из Одессы отправляется в Константинополь и Афины.

Как худобоводство подвержено неотвратимым утратам от эпизоотических зараз и климатических невзгод, так рыболовство испытывает потери и убытки от наводнений. Эти явления, не слишком, впрочем, частые, бывают в начале весны, когда бассейны морских лиманов наполняются прибылой водой из степных рек, а с моря в то же время поднимаются продолжительные ветры, в упор на лиманные гирла. Большая часть азовских забродов помещается на береговых, вдающихся в море отлогостях – косах. Северо-западный ветер, налегая на юго-восточный берег моря, набивает большой бурун на косы. В продолжение нескольких дней море незаметно приходит в напряженное состояние у берегов, наконец, в несколько минут вскипит оно и хлынет на косы, покроет их и унесет от забродов наловленную рыбу, лодки, снасти и запасы. Наводнение приходит и уходит с быстротой набега морских разбойников.

В изъятых от откупов и доставляющих пропитание народу степных речках водятся: окунь, тот окунь, которого Авзоний в своих стансах величал услаждением стола; карась и щука, которых взаимные отношения известны из русской пословицы; сазан, как выше замечено, охотник до путешествий, и линь, домосед, лентяй, полагающий истинное счастье в домашней тине... Господствующие же обитатели сих смиренных и бурь-неведающих вод – раки.

Опасное соседство горцев делает недоступными для рыбопромышленников передовые воды Кубани, которые, по казацкому поверью, «вечно с кровью текут». Только боевые люди с кордонных постов или из пограничных куреней отваживаются бросать в эти заветные воды кармак и сеть. И случается, что пуля горца неприятно просвистит над головой рыбака; но нужда говорит: «это не больше, как точка – продолжай».

Приливы Кубани, возобновляющиеся с каждым ливнем, падающим на горы, приносят на Черноморье плавучий лес, сломленный или исторгнутый с корнем по лесистым берегам горных рек, впадающих в Кубань. Эти кажущиеся остатки плотов, потерпевших крушение, также составляют для побережных прикубанских жителей предмет ловли.

Между морскими рыболовными угодьями природа или рука человека, – это вопрос, – предусмотрительно расположила неисчерпаемые запасы соли, которая, как известно, составляет предмет первой необходимости в рыболовном промысле. Это знакомые уже нам соляные озера. Войсковым жителям предоставлено добывать соль с озер в определенных количествах: казаку пятьдесят, а офицеру сто пудов в год на семью, с платой акциза в пользу войсковой казны по 4 2/7 коп. сер. от пуда. Главный же сбор и распродажа соли принадлежат войсковой казне. За наполнением войсковых запасных магазинов соль идет значительными отпусками в рыболовные заводы и в аулы закубанских горцев, – в ту и другую сторону не менее 300 тысяч пудов в год. При благоприятных обстоятельствах сбор соли со всех озер за лето мог бы быть доведен до трех миллионов пудов, если еще не более; но он не доходит и до одного, как по ограниченности местных способов, так и по краткости существования соляных садов. Для уничтожения их довольно одного дождя. В видах особенной пользы войсковой казны принято не допускать жителей к сбору соли, пока войсковая казна не возведет при озерах своих «кагатов» (соляных бугров); но дождь не всегда ждет, пока войсковая казна управится с своим делом, и жители не всегда уезжают от озер с «молодой солью».

В войсковую казну, в эту, можно сказать, артельную складчину целого войска, несут оброк даже самые неудобные участки войсковой земли – болота. В некоторых из них водятся пиявки. Сбор этих полезных пресмыкающихся ограничен для жителей чертой домашней потребности, – все же, что вне ее, отдается на откуп, прибавляющий к годовому итогу войсковых доходов иногда тысячу рублей, иногда половину этого. Пиявки идут в Турцию, где кровопускание в таком обширном употреблении.

Как домохозяйственная хозяйка, войсковая казна берет в одном месте, чтоб отдать в другом. Для развития и улучшения садоводства в сельском хозяйстве казаков заведен при городе Екатеринодаре, на войсковом иждивении, общепользный рассадник, в котором насчитывается 25 тысяч кустов виноградных лоз и 19 тысяч фруктовых деревьев. Породы тех и других взяты из Крыма. При рассматривании почвы Черноморья мы уже имели случай говорить о садоводстве; теперь прибавим, что этой статье суждена здесь прекрасная будущность, более или менее отдаленная. Изображения на древних Фанагорийских монетах, древнее название этого края «Пандикапея», – что значит всесадие, – и некоторые признаки, не совсем сглаженные с поверхности степи кочевой ногайской кибиткой, свидетельствуют, что нынешнее степное Черноморье когда-то, быть может пред нашествием на Кавказ монголов, было одним обширным садом, как ныне степные поляны Бессарабии. Сделанные до настоящего времени опыты и начатки, изданные постановления о земле и наконец частные меры со стороны высшего кавказского начальства поощряют, более всякого другого труда и промысла, народную предприимчивость к распространению и усовершенствованию в крае садоводства. Но садоводство требует больше рук, чем худобоводство, а потому последнее и остается преобладающей статьей в казачьем хозяйстве.

В пользу лесоводства также предначертаны полезные правила, долженствующие прийти в действие, когда курени будут ограждены в своих земельных довольствиях межевыми распоряжениями. В то время, не говоря уже об улучшении климата и степных вод, пойдет успешнее и пчеловодство, которому благоприятствует богатство флоры, но вредит безлесье и скудоводье. Как к садоводству с лесоводством, так и к пчеловодству заметна в казаках врожденная охота. Любят они посадить около хаты деревцо и кустик, и потом оживить их жужжанием пасеки. Но куда еще не со всей точностью исполняется живущее в их поговорке обещание пчелы: «прогодуй мене до купала – я зроблю из тебе пана». Одной летней засухи или запоздалой весенней стужи на незащитной местности достаточно, чтоб трудолюбивое насекомое унесло свое обещание в гроб, которым делается для него улей. Недоброкачественность степных вод и рос также оказывает вредное влияние на пчеловодство; иногда, при самом обильном нанесе в улей, пчела вымирает, как будто от отравы, источник

которой, конечно, скрывается в загнившей и проникнутой солями воде. В немногих лесистых пространствах по Кубани эта ветвь сельского хозяйства держится прочно и развивается успешно.

Всех пасек (пчельников) считается более 600; в них ульев до 4 тысяч. Получается меду до 12 тысяч и воску до 4 тысяч пудов.

Там же, на Кубани, по всему ее протяжению и по всем разделениям ее вод, существует охота, достойная рыцарских полеваний Средних веков. Кабан, олень, дикая коза, порешня, волк, лиса, заяц, фазан, лебедь, тетерев – вот дичь глубоких прикубанских захолустьев. Любимая охота казаков – это отважная охота за кабаном, противником чутким, неустрашимым, коварным и свирепым. Действуют против него засадой и винтовкой. На волка ставят капкан, на фазанов силки. С борзыми охотятся по хуторам степных пространств, где также нет недостатка в дичи четвероногой и летающей, особенно последней. С ранней весны и до самой зимы по лиманам, речкам и полям стадаются: дикие гуси и утки, драхвы, стрепеты, колпы, куропатки. В молодой траве бьет на заре перепел; в синеве поднебесья раздается веселый крик журавлей, – этот светлый, далеко слышный крик, которого запорожцы желали своим предводителям, когда поздравляли их с принятием атаманской булавы²⁶.

Черноморский казак охотник от природы. Охота с винтовкой и капканом занимала в прежнее время, как исключительный промысел, значительную часть жителей прикубанской и протоцкой полосы. Но теперь на службе война, а дома работа мало времени оставляют черноморцу для любимого его охотничьего промысла, и произведения этого промысла, за удовлетворением домашних нужд, входят в торговлю незначущей статьёй. Только заячьих кож вывозится за пределы края до 25 тысяч штук в год.

Рассказ седьмой

Промышленность. – Торговля. – Меновые сношения с черкесами. – Торговое общество

В краю, не так давно заселенном, в климате негостеприимном и в соседстве с народами дикими, дышащими разбоем и «охотнее проливающими кровь, чем пот», промышленность не могла еще сделать больших успехов. О младенчестве ее можно судить уже потому, что все почти предметы производительности края сбываются в самых местах их происхождения. Даже сельский производящий труд и сельские ремесла большею частью отправляются сторонними руками. Рассеянные по куреням и хуторам работники, плотники, каменщики, тележники, колесники, бондаря, шаповалы, дубильщики кож и даже, между ними, цыган, с своей бродячей наковальной, – весь этот народ, смысленный и деятельный, не возлагающий железа ни на браду, ни на плечо, весь он нахожий, велико-и-малороссийский – «москаль» и «городовик»²⁷.

Из ремесленных гостей края обращают на себя внимание тележники, колесники и бондаря. Основав свои мастерские в Екатеринодаре и некоторых прикубанских куренях, где во всякое время можно иметь под рукой свежий берест, дуб и другое пригодное для их дела дерево, привозимое на Кубань горцами, они снабжают Черноморье изделиями своего ремесла и отправляют с ними целые обозы на отдаленнейшие ярмарки Ставропольской губернии.

²⁶ Дай тобі, Боже, лебединий вік, а журавлиний крик.

²⁷ Городовиками называют черноморцы малороссиан, в которых хотя и видят они своих единоплеменников, – но слово «городовик» звучит у них с некоторым пренебрежением, обозначая не полевого и боевого человека, как казак, а мирного гражданина, пользующегося безопасностью и другими удобствами внутренней цивилизованной провинции.

Одно гончарное дело остается исключительно за казаками и держится наследственно в известных только местах, где свойство земли ему благоприятствует. Разнообразными произведениями его горнов славится курень Пашковский, на Кубани. Не только круглолицая казачка, но и худощавая черкешенка снимает сметану с пашковского муравленного глечика (кувшина). Кроме гончарства, удерживается еще за казаками, как родовое наследие от прадедов, промысел чумацкий; но его эклиптика и поворотные круги, его «цоб» и «цобе» не простираются далее Георгиевска и Ростова.

На казацкой украине, где, можно сказать без гиперболы, расходуется больше пороку, чем семян, не труд нуждается в капитале, а капитал в труде. Жатвы много, делателей мало. Недостаток рабочих рук, даже для черного труда, слишком ощутителен. Огромные заготовки сена для зимнего корма худоб производятся, по большей части, приходящими косарями из губерний: Екатеринославской, Харьковской, Полтавской, Воронежской, Орловской, Курской, Тамбовской, Рязанской. Одного этого вооруженного косами народа находит на Черноморье не меньше 15 тысяч человек в лето. Косарь получает до одного рубля в день, когда работает поденно, и до 20 рублей от скирды, когда подряжается на урок, на скошение известного займища, «становится на скирды». В обоих случаях имеет он косу собственную, а удовольствие от хозяина. Тяжелый труд сенокосения под неблагоприятным небом обыкновенно сопровождается желчными лихорадками, – и не всякий из ретивых работников уносит домой в добром здоровье свой летний сторублевый заработок, воспетый поэтом-прасолом. В рыболовные заводы приходит или, как казаки, на известном им основании, выражаются, «забегает» рабочих людей каждогодно до 3 тысяч человек. Здоровье рабочих этого звания сберегает свежий морской воздух. Здесь добрый забродчик может приобрести в год 150 руб. чистого заработка. Но по этой части работают все пришельцы из Малой и Новой России, «бурлаки», а у этих людей есть одна заунывная песня, в которой судьба, оскорбленная жалобой на ее якобы к ним несправедливость, обращается к начинщику жалобы с следующим довольно справедливым упреком:

Що ти загорюеш
Марно прогайнуеш;
А що й заробляєш,
Зараз пропиваеш.

Наконец, если к показанным, временно-приходящим рабочим присоединить еще множество иногородных людей, обращающихся по хуторам и куреням в годовых и других сроках услугах, равно ремесленников, почтовых ямщиков, промышленников, приказчиков, служителей войсковых откупов и прочих, то окажется, что всех вообще сторонних, зашибающих деньгу людей перебивает на Черноморье в продолжение года более 25 тысяч человек, и что выносимая ими каждогодно за пределы края сумма, при самых ограниченных заработках, должна простираться до полумиллиона рублей.

Итак, если значительнейшие выгоды промышленного и даже простого труда ускользают из рук местного населения, то, по естественному порядку вещей, и торговля края должна иметь ту же участь. Казак, – не то, что московский стрелец, – никогда не любил и не уважал торгового дела. (Так точно чуждаются его и Закубанские горцы.) Деды черноморцев говаривали: «як хочеш мене уживай, аби-б не крамарем (торгашем); за те полоаю (побраню)». Если не в силу подобных, уже отживших свой век мнений, так потому, что в казачьем войске не существует среднего сословия, торговля Черноморского края находится в руках иногородных людей. Исключение ничтожно.

Нет в этом крае людей, которые, прежде чем сделались торговцами, были в своей стороне сельскими производителями, – которые, возделав известную отрасль хозяйства,

сорвали с нее золотое яблоко, которым курица в их деревне нанесла золотых яиц и которые поэтому ведут торговлю в уголку, глубоко изученном ими в производительно-промышленном отношении, как золотоискатели ведут свои мины в земле, с внутренним содержанием которой наперед хорошо ознакомились. Таких людей нет, – оттого и торговое движение в пределах этого края является не торговлей, органически развивающейся из наличного, возделанного на месте капитала, а каким-то эфемерным, налетным торгашеством, начинающимся векселем и оканчивающимся конкурсом. Производители такого поверхностного и шаткого торга – армяне нахичеванские (с Дону) и закубанские. Не пускаются они с прочно оснащенным неводом в открытое море торговли, а сидят на берегу, с блеснями и самоловами собственного изобретения и ловят мелкую рыбку. Так торгуют их родоначальники по второстепенным городам Турции, где торговые уставы и учреждения заменяет простая полиция. Дай нам, – говорят безденежные черноморские торговцы денежному пану-хуторянину, – дай, чем наживить крючок: мы поймем большую рыбу и с тобой поделимся. Пан и даст; но по окончании лова выходит, что ловец в своем Нахичеване хлебает жирную уху, состряпанную умышленным банкротством, а пан, доверчиво расстегнувший заветную калиту, постится в своем мрачном хуторе и гневается, когда ему напомним родную нравоучительную пословицу: «не прoderешь очей, так прoderешь калитку».

Пускаясь в торговое дело без основной копейки, по единой благодати удивительного московского кредита и не имея поэтому произвольного, предызбранного направления, нахичеванские армяне на Черноморье бросают друг другу камень под ноги и делают местную внутреннюю торговлю не только мелочной, но и бесхарактерной. Случается видеть у них за прилавками такие вещи, которые по роду местных потребностей могут пролежать без спросу целое столетие. Сами торговцы, конечно, не думали о них, когда набирались товаром; но на них навязано это бремя из залежи кредитора.

Армянская лавка на Черноморье – это товарная энциклопедия, изданная в шестнадцатую долю листа. Редкую из них не забрал бы русский ходебщик в свою коробку. За немногими исключениями, которые справедливость требует сделать, черноморские торговцы из Нахичевана слишком мало дают места на своих полках товару полезному, но скромному, не трубящему о самом себе. Напротив, они любят вести торг товарами мишурными, бросающимися в глаза и, по своей легкости, легко сходящими с рук. Это вечные продавцы игрушек для взрослых детей и лучшие проводники между плохими фабриками и невзыскательными потребителями. Вот образчик их языка и тонкого обхождения с покупателями. Бедный чиновник торговал у армянина плохую шубу, сшитую из волчьих хвостов. Запрос был слишком высок, покупатель не сошелся в цене и стал выходить из лавки. Тогда армянин обратился к нему с последним словом: «паштенна, последну слову – тебе не волком ходыт, а овцом ходыт».

Сии красноречивые торговцы украшают своим присутствием торговые ряды Екатеринодара и лавочки всех куреней Черноморья. Они же являются первые и на все ярмарки этого края. Те, которые торгуют по куреням, во время стрижки овец и мору скота поспешно оставляют свои прилавки и с запасом ножигов, зеркальцев, колечек, пряжек, огнив, иголок, шильев, табаку, деревянных трубок с медными колпачками пускаются в степи, к пастушеским кишлакам, где посредством мелочной, но весьма прибыточной для них мены делают значительные приобретения шерсти, кож, сала и заячьих шкур. Армяне закубанские действуют в том же роде по закубанским аулам, только размеры их действий гораздо обширнее. Спекулятивные пути и обороты, или извороты тех и других закрыты непроницаемой завесой для остального торгового мира, – и только Нахичеван на Дону, где неожиданно, из не пользующихся известностью промышленных источников, скопляются целые горы шерсти, сала, кож, воску и мехов, покачивает головой с восклицанием: вай, вай, какой наш умна человек, – и всячески дивится большим приобретениям при малых средствах.

Как армян, так и других иногородных, постоянных торговцев в пределах края считается до трех сот. Их торговля оценивается в полмиллиона рублей. Кроме того, с каждой весной посещает курени и хутора странствующая промышленность Ярославской и Владимирской губерний: коробейник (афеня), с бакалейным и сельско-галантерейным товарцем, чаще имеющий дело с нежным, чем с грубым полом казацкого народонаселения и охотно променивающий свои мануфактурные вещицы на прядево, щетину, перья, воск, клыки дикого кабана, заячьи шкурки, раковые жерновки, из которых, как он уверяет своих покупателей, делаются тарелки, – что жерновка, то-де и тарелка, – и другие не блестящие произведения; продавец кос, кое-как, по-русски сидящий на облучке своей телеги с рогоженной кибиткой, и звонко клеплющий в косу, чтоб имеющий уши слышати – слышал; обходительный продавец восковых свечей, ладану, парчи и церковной утвари, увлекающий к набожной щедрости отставных казаков блестящей выставкой своего товара у церковной ограды, и приличными изречениями из писания; наконец, и наш пашковский гончар, с таким громоздким возом, как адмиральский корабль сухопутного флота Игорева, и с грубыми, почти повелительными воззваниями: «молодиці, по-горшки, ану-ж мерщій, по-горшки...»

До каких ухищрений дошла сметливость странствующих мелких промышленников, можно видеть из того, что многие из них во время весенней стрижки овец откупают на срыв щетину, произрастающую на хребтах тех животных, угрюмыми звуками которых никогда не оглашается Турция. Когда торг сложен, щетиноносные животные, под предлогом корма, собираются в особую загородь и вероломно отдаются своими корыстолюбивыми хозяевами в безжалостные руки коробейников, которые их связывают и потом не ножницами, а деревянными лещетками снимают с них жесткие руна. По выдержании операции обезображенные, но по-прежнему здоровые, пациенты отдаются обратно своим обладательницам с насмешливым пожеланием, чтоб на оголенной ниве вырос им к будущей весне новый доход. Пожелания, несмотря на их иронический тон, осуществляются: чрез год новая жатва осеняет хребты тех же животных, и к ней являются те же жнецы. Невозможность ощипать курицу без того, чтоб она не кричала, обратилась в пословицу; легко же представить себе оглушительный крик, сопровождающий вышеизъясненную операцию, – тем более что коробейникам вовсе неизвестно употребление хлороформа.

В видах споспешествования сбыту главного богатства края: лошадей, рогатого скота и овец, учреждены в разных местах Черноморья ярмарки. Важнейшие из них: в Екатеринодаре, на Кубани и в курене Старошербиновском, на реке Еи, – в том и другом месте по три. Всех же ярмарок в крае до тридцати. Привозимых на них товаров продается на сумму до одного миллиона рублей. Эта же цифра может служить приблизительным мерилем и ценности сбыта на ярмарках местных произведений. На первом плане ярмарок рисуются прасолы, или, как их называют здесь, сгонщики, то есть скупщики скота, лошадей и овец. Второе после них место занимают наезжие продавцы образов, деревянной посуды, сундуков, окон, решет, веретен, волюнок, мелких железных изделий, дегтю, российских азбук, прописей и лубочных картин *a la brosse grosse*, с текстом увеселительного содержания. На екатеринодарских ярмарках, когда бывает дозволено, являются целые таборы черкесских скрипучих арб, с строевым лесом, частоколом, обручами, осями, каюками, корытами, лопатками, вилами, одеждой из домашнего горского сукна, медом, воском, салом и кожами. Сбыв свои скромные произведения, черкесы не везут полученных денег домой; но тут же на ярмарке запа�аются на эти деньги бумажными и шелковыми материями, сафьяном, посудой, расписанными сундуками и мылом. По недоверчивости, никогда их не покидающей, и по незнанию цен на мануфактурные товары, они торгуются бесконечно долго, употребляя притом свой, диаметрально противоположный нашему, способ торга, а именно: спросив в лавке нужный им товар, они не спрашивают потом, какой суммы денег стоит известное количество товара; напротив, они предъявляют наперед известную сумму денег и потом спрашивают купца,

какое количество товара даст он на предъявленные деньги. Ответ продавца служит исходной точкой торга, в дальнейшем развитии и окончании которого играет роль не монета, представительница ценности вещи, а наоборот оцениваемая и подлежащая торгу вещь.

Торгуясь таким странным для нас и естественным для них образом, почтенные соседи черноморцев умеют ловко стянуть, что им приглянется и что будет лежать плохо; поэтому не дозволяется им входить в торговые ряды в бурках. Были примеры, что князь изобличался в похищении зеркальца или апельсина.

По множеству ярмарок в Черноморье далеко не все они имеют большое торговое значение, но народ их любит и поддерживает своими съездами. Казачки первые желают ехать на ярмарку, чтоб видеть большой свет, чтоб полюбоваться на большое собрание предметов роскоши и запастись предметами для беседы на целые месяцы; а казаки, как ни тяжелы на подъем, не смеют противоречить обладательницам своих сердец и следуют с ними, имея в виду не пыль и толкотню большого света и не ситцевую пестроту предметов роскоши, а что-то другое, до чего нет дела дражайшим их спутницам, и что веселит сердце человека. Казацкая ярмарка имеет свои местные оттенки. Ее окружают скотные и конские гурты, которых голодный рев и ржание как будто вопиют против высоких запросов и низких предложений цены. В самой середине ярмарки «тичок» – толкучий рынок рабочего скота и езжалых лошадей. Здесь являются героями вертлявый цыган на старой кляче, которую он «пидвахлював», подогрел и подмолодил по-своему, и удалый «комонник»²⁸ с волосатым арканом на руке, с гордо откинутой назад головой, с молодецки подкрученным усом и с самонадеянно-небрежной посадкой на молодом неуке, беснующемся и выбивающем седока из седла. Вы любуетесь этим спокойствием, этим как бы простодушием мужества, столько свойственным черноморскому казаку даже в пылу боя, и вы соглашаетесь с остроумнейшей из женщин, что человек на диком коне прекрасен. Поодаль от этого кипучего и шумного торжища слепец в ветхом подряснике читает псалтырь на память. Его певучее чтение прерывается частыми подаяниями. Ощувив в руке лепту, он останавливается в ту же секунду, спрашивает имя сделавшего подаяние, молится о нем и потом продолжает чтение от того именно слова, на котором был прерван. Внимание и память ему не изменяют. В самом многолюдном месте, около «яток», шатров с орехами и пряниками, слепые нищие, усевшись в ряд, без шапок, под палящим солнцем, с запыленными лицами и с деревянными чашечками в руках, поют лазаря под плаксивую игру «кобзы». Лишенные Божьего света то и дело слышат стук в своих чашечках от падающих в них старых грошей и новых однокопеечников. Здесь повеяло вам на душу грустью; но вот послышались гуденье бубна и визг скрипки. За ними толпа хлопцев и молодежи, а впереди их чабан (овчарь) с загорелым лицом, с усаженным пуговицами поясом и привешенным к нему на длинной портупее ножом, с сбитой на ухо шапкой, с цветным платком через плечо и флягой в руке, скачет гопака до упаду. Этот мешковатый гуляка «водит музыки» и угощает встречного и поперечного напрапалую. Кто не желает его угощения, бежит подальше...

Кроме ярмарок и базаров города Екатеринодара, торговые сношения черкес с казаками поддерживаются меновыми дворами, существующими на Кубани по черте кордонной линии. Чтоб не показалось странным, как могут происходить на одном и том же рубеже и война, и торговля, довольно сказать, что у горцев нет соли, а у казаков нет лесу. Первым нечем посолить свою пасту (кашу), а последним не из чего возвести хату. Так вот, вследствие обоюдного лишения в предметах первой потребности для существования, меновой торг между казаками и горцами завязался с первых дней поселения Черноморского войска на

²⁸ Наездник, способный вырвать арканом из табуна пылкого неука (неезженного коня) и уломать его под седло. Слово «комонник» замечательно по своему древнеславянскому корню – комонь, откуда вышел нынешний конь. Комонь встречается в «Слове о полку Игореве».

Кубани. Кошевой атаман этого войска Котляревский, во всеподданнейшем представлении своем Государю Павлу Петровичу, от 21-го июля 1799 года, между прочим, излагал: «По неотпуску каждому Черкесскому владению из войска Черноморского соли, там, где ему способно, оные владения, злобствуя на войско, причиняют ему, хищническим грабежом людей, не малые обиды, говоря тако: давай нам соль там, где надобно – не будем воровать, ибо нам без соли не пропадать, и мы у вас зато ворует, что в Анапе дорого соль купуем». По впоследствии тогда же Высочайшему соизволению учреждены «сатовки», или меновые дворы по правому берегу Кубани, на разных пунктах. В настоящее время их более десяти.

Кроме леса, господствующей привозной статьи, переходят чрез меновые дворы на нашу сторону: лубок, называемый горцами «кожа дерева», черная нефть, пиявки, алебастр, разные кожи и меха, в сыром виде, лошади и рогатый скот, особенно буйволы, хлеб, сало, масло, мед, воск, бурки, горская одежда, ножи, циновки и некоторые изделия из дерева. С нашей стороны, сверх соли, главной статьи отпуска, идут меновыми стезями в горы: разные бумажные и шелковые ткани невысокого достоинства, шелк и канитель для делания галунов, холсты, сафьяны, войлоки, посуда, сундуки, мыло.

По военным обстоятельствам края, торговые сношения казаков с горцами подвержены частым переворотам: то они возрастают, то ослабевают, то и вовсе прерываются. Кроме того, впереди значительного протяжения меновой черты лежит для торговли порог в одной из привилегий земли, обитаемой бжедугами. В этом ближайшем к нашей линии народе демократия еще не подавила феодализма, как у дальнейших горцев, и потому земля остается поделенной между многими мелкими владельцами – князьками и дворянами (пши и уорк), к старинным привилегиям которых принадлежит право «курмука»²⁹ – феодальное право взимать транзитную пошлину со всего, что провозится чрез их владения из гор на Кубань и обратно. Нередко жадность этих нищих князьков делает из курмука препятствие для торговли, гораздо важнее, чем дурное состояние, или – точнее сказать – несуществование путей сообщения по закубанской стороне.

Но доскажем, что осталось еще сказать о внутренней промышленно-торговой жизни края. Мы знаем уже, что промышленный и ремесленный труд в пределах Черноморья наибольшей частью принадлежит временным пришельцам, и что на долю местного народонаселения, составляющего одно служивое сословие, остается простой труд производительный, и тот не весь. По общему разделению сословий и труда в государстве, казалось бы, иначе и быть не должно: всякому свое. Но здесь, по особенному положению края, является неудобство, несуществующее для Кавказского казачьего войска, где сословие, ратующее с оружием в руках, на границе, поддержано сзади другими, неслужащими сословиями – податными сословиями Ставропольской губернии. В Черноморский самостоятельный край, отброшенный на оконечность цивилизованного русского мира, в край недостаточно гостеприимный как в климатическом, так и в военном отношении, и отказывающий в правах гражданства всему, что не носит оружия, промышленные, ремесленные и вообще рабочие гости могут находить различно: или в таких, сколько нужно, или в гораздо меньших, численных силах; или тогда, когда нужно, или тогда, когда ненужно, – или же, наконец, при действии известных препятствий, вовсе могут не приходить. Невыгоды такой зависимости слишком ощутительны для местного казачьего населения. И между тем этому населению недостает поощрения, руководства и поддержки, чтоб ослабить сколько-нибудь эту зависимость. Казаки, знающие ремесла, отбывают службу не оружием, а ремеслами своими: то они записываются в особо учрежденную «войсковую мастеровую сотню», то работают в составе полков, батальонов и батарей. Находя легче и почетнее этой трудовой службы службу общерядовую, службу с шашкой и пальником, а не с долотом и кузнечным мехом в руках, молодое казачье

²⁹ Испорченное турецкое слово «гюмрю» – таможня.

поколение не имеет никакой охоты к изучению ремесел. Для удаления невыгодных случайностей зависимости местной ремесленной промышленности, не будет ли вызвано из среды казачьего сословия свободное «ремесленное общество», подобно тому, как уже учреждено в войске, с последним преобразованием его, «торговое общество» в составе двухсот лиц.

Это благодетельное нововведение вознаграждает, по крайней мере, имеет целью вознаградить для войска отсутствие среднего сословия. Вступив в торговое общество и внося погодно в войсковую казну купеческую подать по третьей гильдии, казак ставит себя в независимость от всяких служб и пользуется правом торговли как в пределах, так и вне своей земли. Но как местное богатство, если есть оно, находится в руках чиновного класса, а торговое общество учреждено для одних только рядовых казаков, то и благодетельная мера, предпринятая для организации промышленно-торгового класса из самых же служивых обитателей края, не достигает предназначенной ей цели: двух сотное, по штату, торговое общество оказывается одно-сотным в действительности; из двух сот званных только половина избранных, – да и из тех очень немногие посвящают себя торговому делу. Свободно дышит черноморец в военной засаде, но за прилавком он не в своих санях: скуп на слова и неспособен к двум главнейшим в торговле вещам: показать товар лицом и делать два дела разом.

Более утешительных видов и упований на водворение в Черноморском войске промышленности и торговли, коренной, не увлекающей капиталов за пределы края, но притягивающей в край и развивающей их на месте, промышленности и торговли, благодарной к краю, подает новонаселяемый в пределах Черноморья портовый город Ейск. Черноморские казаки встречают с хлебом-солью и со всяким вспомоществованием свой новый, промышленно-торговый город, который станет им в поддержку, как Ставрополь и Пятигорск, с их трудолюбивыми округами, стоят в поддержке за кавказскими казаками.

Рассказ восьмой

Пути сообщения. – Почтовые учреждения

Bonne terre, mauvais chemins.

Черноморье может располагать множеством естественных пособий к сбыту и внутреннему обороту предметов промышленности и торговли. Для внешних водяных сообщений край открыт с юго-запада, запада и севера: чрез Черное море – с Анапой, Новороссийском, Феодосией, Одессой; чрез Керченский пролив – с Керчью и Еникале; чрез Азовское море – с Бердянском, Мариуполем, Таганрогом и Ростовом. Для внутренних сообщений могли бы служить: лиманы Кизилташский и Ахданизовский, рукав Протока и многие ее ерики и лиманы, Каракубань и каналы Энгелик и Калаус. Но эти пустынные и запущенные воды могут сделаться путями сообщения не прежде того времени, как кордонная вышка обратится в каланчу мирной полиции, а около вехи, возвещающей ночную тревогу на Кубани, обогнется причал сплавной барки. При всем своем непостоянстве и шаткости низовая Кубань может, со временем, с водворением безопасности на ее берегах, подчиниться судоходству, по крайней мере нисходящему, сплавному судоходству. Тогда же, по большим притокам ее – Белой, Пшишу, Афипсу и другим будут скатываться с гор на Черноморье строевой лес, камень, алебастр и проч.

По сухопутным сообщениям края с Ставрополем, Ростовом, Анапой и Керчью проходят три почтовые дороги, которых исходной точкой служит город Екатеринодар. Тракты ставропольский и ростовский, с ветвью этого последнего на портовый город Ейск, не представляют никаких естественных препятствий, если не относить к препятствиям множества балок и речек, пересекающих ростовский тракт, но во всякое время года удобно переезжаемых чрез постоянные мосты и плотины. От куреня Старошербиновского, лежащего на гра-

нище Черноморья с Ростовским уездом, до посада Ейский городок на протяжении семи верст дорога идет по низменности, принадлежащей к широкому устью Еи. Большая часть этой низменности во время весенних разливов Еи или проливных осенних дождей понимается водой, и тогда везут вас верст пять непрерывно по воде. Но как дно наводненного пространства довольно твердо (оно состоит из песка и ракушки, плотно спаянных илом), то и переезд совершается без особенных затруднений. Надобно одного только смотреть – не подмочилась бы кладь в повозке³⁰.

Таманский тракт, ведущий в Керчь и Анапу, пересекается сперва рукавом Протокой, потом двумя ахданизовскими гирлами, наконец, к стороне Анапы, бугазским гирлом и, к стороне Керчи, Керченским проливом. На этих пересечениях Черноморское войско содержит переправы: на Протоке и двух ахданизовских гирлах – паромную, на бугазском и Керченском проливе – лодочную. Бугазское гирло имеет ширины 60 сажен, а Керченский пролив, между Таманью и Керчью, по бухте, 23 версты. Но должно заметить, что, по обе стороны Таманской бухты вдаются в пролив два мыса, отбрасывающие от себя длинные и узкие песчаные косы. Это как будто бы поваленные геркулесовы столбы в Керченском Гибралтаре. Из них северная коса Чушка вытягивается к Еникале, а южная Тузла к Павловской батарее. Между оконечностями кос и берегом Тавриды не более пяти верст. На оконечности Тузлы войско содержит переправу на дубах (больших лодках) для зимы, во время же навигации существует пароходное, между Таманью и Керчью, сообщение³¹.

Переправы бывают сопряжены с затруднениями, когда дует сильный ветер от севера к югу, – причем лодка может быть вынесена в открытое море, – а также, когда происходит замерзание и вскрытие вод.

Дорога чрез обозначенный Протокой низменный поперечник между степным континентом и Таманским островом на протяжении сорока верст подвержена наводнениям из Кубани, и езда по ней бывает очень затруднительна. Наводнениям противопоставляются земляные насыпи, поддержание и возобновление которых лежит на жителях натуральной повинностью и составляет для них бесконечный труд Сизифа. Насыпи из рыхлого болотного чернозема и подстилка под ними из камыша и хвороста расползаются и каждый год исчезают в болотах, – что и заставляет ожидать, в замену им, правильного и прочного шоссе, для которого камень мог бы быть доставлен водой с берегов Тамани или Керчи. Кроме этого неудобства, как таманский, так и ставропольский тракты, пролегая вдоль военной кубанской границы, не считаются безопасными от нападений горцев. Вместо приятного и полезного совета – брать в дорогу одного дня хлеба на три дня, существует здесь несносное правило – брать во всякую дорогу оружие.

В разных местах военной кубанской границы устроены чрез Кубань четыре паромные переправы и один мост на плашкотах, снимающийся на зиму. Впрочем, переправы эти относятся не столько к коммуникационным, сколько к операционным линиям для наступательных действий против горцев.

На всех трех почтовых трактах войско содержит из своих доходов 25 станций и на них 150 троек лошадей из местных пород, в превосходной степени годных для почтовой гоньбы. Почтовые станции расположены в степных пространствах, вне населенных мест, из-за подножного корма для лошадей. Помещения их более чем скромны. За исключением приюта, нагретого санными объедьями, проезжающий напрасно будет искать в них других дорожных удобств. Вместо бархатного воротника в четырнадцатом классе пред него предстанет и спросит подорожную стриженный в скобку малой, с издающими известный запах

³⁰ Такой же брод приходится проезжать весной на Таманском острове, по узкому пространству, пролегающему между лиманом Ахданизовским и морем Азовским. Это – Темрюцкий брод, простирающийся верст на пять. Дно его песчанисто и довольно твердо; но при проходе больших обозов разбивается, и тогда работают над ним сотни рук.

³¹ В содержании этого сообщения войско участвует ежегодным отпуском из своей казны 1700 руб.

сапогами и заспанным в высшей степени лицом. Развернув подорожный документ для прописки, будет он углубляться в него с таким сосредоточенным видом и столько раз оттряхнет к затылку свои неприглаженные волосы, как бы пред его глазами была хартия, никогда в жизни им не виданная и писанная при царе-горохе. И даже на привычный зов проезжающего не всегда явится самовар, худой, толстый, искалеченный, пышущий здоровьем, вымытый, замусоленный, улыбающийся, угрюмый – какой бы ни был. Необозримый и неисчислимый ряд этих официальных сосудов, проливающих ободрение ослабевшим и утешение задержанным путникам на всем почтовом протяжении от Москвы до Ейского городка, здесь прерывается. Остается только жалобная книга на привязи у стола, всегда белая, да темное расписание на стене, и еще хилые часы у дверей, с привешенными к одной из гирь, в виде добавочного жалованья, старой подковой и таковым же наперстком от косы. Несмотря на это сугубое поощрение, старослуживые часы идут вяло и совсем не в ногу с временем. Не нужно иметь большой проницательности, чтоб прочитать на их мрачном челе, что им уж не до службы у Сатурна, и что одно только жестокосердие кондиций удерживает их на столь трудном месте. Но видимые недостатки черноморских станций окупаются одним, сокрытым под их камышовой крышей, нравственным достоинством: здесь вы никогда не услышите неблагозвучного, потрясающего желчь путешественника, в самом ее основании, и вызывающего наружу все дурные его свойства: «нет лошадей!» И потом лошади, которых дают вам, лихие черноморские лошади, мчат вас с быстротой, равной вашему нетерпению, а иногда даже превосходящей оное, – что уж бывает не вполне приятно, ибо тогда от полного состава повозки достигает следующей станции одна только тачка с передними колесами. Если на тройке черноморец, он не будет кричать и растобаривать, как ямщик чисто-русский; но, как удивительный человек, который не хочет петь в один голос с другим, который по доброй воле никогда ничего не делает против внутреннего убеждения, и который безусловно убежден, что лошадь не понимает слов, он – свистит. А свистит так, что в пределах Ростовского уезда слышно. На первой от границы Черноморья станции названного уезда ямской староста, у которого были на руках докучливые проезжающие, нетерпеливо ожидал возврата своих троек, выпущенных с тяжелой почтой на черноморскую станцию. Послышался колокольчик с черноморской стороны, и озабоченный староста послал мальчика выглянуть за ворота – свои ли обратные идут, или, чего доброго, черноморец скачет с новым гоном. «Еще далече, – обозвался мальчишка за воротами, – не видать гораздо, а слышно свистит». – «Коли свистит, так черноморец», – произнес староста с уверенностью, которую не сильны были бы поколебать никакие громы, и почесал в затылке.

Почтовые дороги так же пустынные, как и станции. Они не обозначены ни рвом, ни деревцом. В темную осеннюю ночь или в зимнюю метель вся надежда на редкие поперечные столбы и, еще более, на чуткость и памятьливость степной тройки. Основательный страх остается тогда, скорее всего, за переезды чрез мосты, которых насчитывается на почтовых, чумацких и проселочных дорогах до 170. Из них три только каменные, а все остальные деревянные, по безлесью, сколоченные кое-как. В них часто усматриваются ненужные отверстия, а перилы их обыкновенно расходуются чумаками для варения каши с салом в мокрую погоду, когда другое подручное топливо, бурьян и камыш, не хочет гореть. Той же участи подвергаются и дощечки, прибываемые к поперечным столбам для показания числа верст.

Не слишком удовлетворительное состояние сооружений по части путей сообщения воспето даже в народной поэзии казаков. Черноусый «паробок»³² требует объяснения от чернобровый дивчины, по каким причинам она забарилась (замешкалась) явиться на «юлицу». Оробевшая несколько ответчица приводит в свое оправдание дурное состояние войскового

³² Холостой человек. «Па» – пол, «робок» – работник; выходит – полуработник.

моста, чрез который следуя, она завалилась и оттого забарилась³³. Статься может, что этого совсем и не было. Но что неудобства на мостах и переездах действительно существуют, так это ясно видно из самых наименований некоторых урочищ сухопутных сообщений. Например: на ростовском чумацком тракте есть балка «Вырвихвост», каковое название доставил ей следующий случай, рассказываемый старожилami. Некоторый путешественник, следуя чрез нее, по собственной надобности, в ненастное время и в тяжело нагруженной кибитке увяз на самой середине черноземной насыпи, перекинутой чрез дно балки. Когда усталые кони, за всеми усилиями грудью, вызволить кибитку из грязи не могли, – путешественник нашел себя вынужденным прибегнуть к последнему средству: приладить упряжь, вместо груди, к хвостам лошадей. (Способ и в позднейшее время употребляемый в отчаянных обстоятельствах.) Затем, вследствие новых, жесточайших понуканий, кони рванули так сильно, что хвосты немедленно отделились от остального их организма, и это странное событие увековечило за балкой вышеупомянутое прозвище. Потом, существует балка «Малевана», название которой проистекло из того, что экипажи и лошади путешественников выходят из нее размалеванными краской темного цвета. Наконец, есть еще балка «Загубичобот», – но это в глуши, на одной из проселочных дорог.

В городе Екатеринодаре находится войсковая почтовая контора. В городах Тамани и Ейске, а также в куренях Полтавском и Уманьском, где имеют пребывание окружные власти, учреждены почтовые отделения, подведомственные войсковой конторе. Почтовый сбор в них составляется преимущественно от денежных посылок и старых паспортов, отправляемых иногородними людьми *ко двору, в Рассею*.

Рассказ девятый

Войсковая казна. – Сравнение быта казака с бытом поселянина

Казак несет военную службу Государеву, для которой исключительно и занимает место в государстве. Солдат делается воином, казак родится им. Воин от пазухи матери и до могильной ямы, он, по преимуществу, природный слуга Царю и родине. Недремлиющим стражем обходит он любезное отечество кругом в дни мира. А в дни брани тоже отечество говорит ему: «Перестань меня кормить, иди меня защищать»³⁴. И когда новые успехи оружия усыновили новую землю отечеству, он первый ставит свое копьё и свой очаг на новой земле. В таком положении, при таком призвании, казак свободен от всяких денежных окладов, не только государственных, но и земских. Неразлучные с земской оседлостью, повинности он отбывает натурой, насколько возможно их отбыть в таком виде, то есть в виде личной и имущественной послуги, а не денежного взноса³⁵. Но как, во-первых, не все повинности могут быть отправлены натурой, и для отправления остальных требуются денежные способы, и, во-вторых, как каждая отдельная в государстве область должна своими местными способами покрывать денежные издержки, потребные на ее управление и на водворение в ней благоустройства, гражданского и общественного: для этого в крае, казаками заселенном, существует войсковая казна.

Исправление повинностей подводной и по устройству дорог падает преимущественно на отставных, а квартирной и этапной на всех вообще казаков.

³³ Ой, де-ж ти була, Забарилася? – На дияривім мосту Провалилася я.и проч., не относящееся до путей сообщения.

³⁴ Cesse de me nourrir, viens me défendre.

³⁵ Годичная стоимость натуральных повинностей: квартирной, подводной и по устройству дорог, оценивается в Черноморском войске до 100 тысяч рублей. Для исправления натуральных повинностей подводной и по устройству дорог выряжается в год: подвод до 11 тысяч, с таким же числом проводников, и сверх того рабочих до 400 человек.

Каким образом войсковая казна составляется?

Для составления ее казак, личность которого освобождена, по прекрасному нашему старинному выражению – обелена, от всяких денежных налогов и взносов, отчуждает от своего частного пользования в принадлежность общественную, в войсковую артель, те из естественных произведений и промысловых угодьев, или другого рода выгод обитаемой им земли, которые он может удалить от себя, не впадая чрез то в скудость или затруднение относительно содержания своей семьи и снаряжения себя на службу царскую. Таким способом составляется войсковое, или, если угодно, общественное, хозяйство, а из войскового хозяйства истекает войсковая казна.

Из сказанного видно, что учреждение в населенном черноморскими казаками крае денежных общественных способов, или *казенных интересов* ничего не имеет сходного с существующими в губерниях учреждениями этого рода. В казацкой земле, по единству сословия или общества, все денежные общественные источники направлены в один ящик, которым располагает одно ведомство. Такому единению общественных интересов подлежит даже денежное достояние церкви: церковные суммы прибыльных разрядов (исключая приношения на алтарь) ведаются войсковым начальством. По войсковому положению определены в куренях станичные доходы; но в действительности их не существует по той причине, что не существует еще правильного распределения земли. Вследствие чего войсковая казна нашлась в необходимости уделить часть своего дохода от рыболовного промысла в особые, общественные доходы куреней.

Вот главные статьи войскового хозяйства, или иначе – источники войсковой казны.

Продажа в пределах Черноморья горячего вина, заготавливаемого войском на свои капиталы и сбываемого общепринятым в государстве, акцизно-коммиссионерным способом. Отсюда годового дохода в войсковую казну 400 000 р.

Денежный капитал в два миллиона рублей, составившийся в прежние годы, из остатков войсковых доходов против расходов и, потом, из процентов от обращения этих сбережений в кредитных установлениях. От него указных процентов в год 60 000 р.

Рыболовный промысел вообще и ачуевский рыболовный завод в частности. Годового дохода 82 000 р.³⁶

Соляной промысел по войсковым соляным озерам. Годового дохода до 25 000 р.

Нефтяные источники и пиявочные болота. От них дохода в год до 1000 р.

Пастьба на войсковой земле скота, лошадей и овец, икупленных прасолами, и выгон их за пределы Черноморья, равно как и вывоз разных от них произведений. От этой статьи пошлинного, в роде таможенного, сбора в год до 8000 р.

Войсковые лавки и торговые на ярмарках места. Годового сбора до 8000 р.

Сбор с иногородных торговцев за право торговли и с казаков, состоящих в войсковом торговом обществе, до 12 000 р.

Разные мелкие статьи, из которых некоторые принадлежат к городским доходам в губерниях. Годового от них дохода до 30 000 р.

Наконец, к разряду доходных статей причисляется «жалованье войсковое», установленное Императрицей Екатериной II из государственного казначейства, в годовом окладе 5714 р. 28 к.³⁷

Всего поступает в войсковую казну дохода в год 631 714 р. 28 к.

³⁶ Доход этот показан в том виде, как давал его откуп, который в настоящее время должен быть заменен другим способом взимания дохода. Правила на это еще не состоялись. Один ачуевский завод будет оставаться по-прежнему в откупном содержании. Он дает 30 тыс. руб.

³⁷ В грамоте Екатерины II Черноморскому войску от 30 июня 1792 года изображено: «На производство жалованья кошевому атаману, с войсковыми старшинами, на употребляемые к содержанию стражи отряды и на прочие, по войску нужные, расходы повелели Мы отпустить из казны Нашей по двадцати тысяч рублей на год».

Годовой расход из войсковой казны приводится обыкновенно в равновесие с доходом. Главные статьи расхода:

Содержание присутственных мест и других штатных учреждений, равно как и лиц в отдельных должностях, по частям: военной, гражданской, медицинской, училищной, духовной и др. до 330 000 р.

Поставка провианта для полков и других частей, содержащих кордонную линию, а также провианта и фуража для внутренно-служащих в войске нижних чинов до 100 000 р.

Содержание артиллерии и конно-ракетных команд до 12 000 р.

Содержание войсковых хоров музыки и певчих 2300 р.

Содержание врачебных и богоугодных заведений до 40 000 р.

Содержание на почтовых трактах почт до 60 000 р.

Содержание переправ на кордонной линии и на почтовых трактах, равно как и паровозного сообщения чрез Керченский пролив до 9000 р.

Содержание войскового общепольного рассадника и при нем сада 335 р.

Содержание войсковых пансионеров и пансионеров в разных учебных заведениях до 10 000 р.

На разные мелкие и случайные расходы по военной и гражданской частям 50 000 р.

Всего расхода из войсковой казны в год 613 635 р.

Само собою разумеется, что большая часть приведенных цифр по годам изменяются; но из представленного перечня статей дохода и расхода можно видеть их приблизительный объем и значение.

Покойный генерал Вельяминов, командовавший войсками на Кавказской линии и в Черноморье, полагал, что казак не должен быть богат, потому что богатство изнеживает воина. Беспристрастное воззрение на дело обязывает добавить, что казак не должен быть и беден. Казаки никогда не были бедны в действительном значении этого слова. Как ни суров кажется их старинный степной быт; но нужд у них было всегда меньше против средств удовлетворять нуждам. Этот-то перевес средств над нуждами и делал их военными людьми, потому что всегда оставлял им, сколько было нужно, досуга для военного воспитания, для «гулевщины». По мере того как казак начал подвигаться под общие обязательства гражданственности и цивилизации, нужды его начали увеличиваться, и если нужды обгонят средства, тогда явится действительная бедность. А бедность, с ее непрерывной работой и заботой, не даст казаку приготовиться и развиться ни нравственно, ни гимнастически для военного молодечества. Это возможно только при некотором досуге, а досуг возможен только при некотором довольстве, то есть при перевесе средств над нуждами. У противников казаков, кавказских горцев, молодой возраст посвящен наполовину работе и наполовину гимнастическому воспитанию. То же самое должно быть и у казаков; иначе их молодежь не будет знать, как горит на полке порох и как седлается конь, до самого того времени, как нужно стать ей в строй. А она должна знать это гораздо раньше, потому что никакой рекрутской школы или переходного состояния между поселянским бытом и боевой службой для казацкого недоросля не существует. По крайней мере так это здесь, на линии. Переночевав в последний раз в пастушеском кишлаке, или на гумне, следующую ночь он уже проводит в секрете и разъезде на Кубани. Тут уж учиться владеть оружием и конем поздно. С того возраста, как государственный поселянин становится работником, а казак служакой, потребности последнего значительно превышают потребности первого, включая даже сюда все, что первый обязан отдать государству. Конечно, казак может выехать на службу и плохо одетый, и плохо обутый, и на коняшке каком-нибудь; но лучше, если все это и многое другое будет у него из хорошего достатка. Тогда и он смотрит бодрее, и на него смотрят с большим доверием. Тогда он будет служить и не тужить, и уличные зеваки не посмеют швырнуть в него прибауткой: «семеро в кувшине, одной мыши не задушили». А потом, сколько в быту казац-

ком случаев вдовства и осиротения, и сколько черных дней, про которые не иметь запаса худо. Этих случаев не бывает в быту государственных поселян и наполовину. Всякую, наконец, хозяйственную и промысловую работу государственный поселянин выполняет лучше и, следственно, с большей для себя пользой, чем казак: он лучше вспашет, лучше засеет и лучше скосит. Казак не дойдет до него в этом, потому что казак делает от этого отвычку на службе.

Очень желательно, чтоб в боевых рядах казаков было сколько можно больше исправных и удалых молодцов; в такой же точно мере желательно, чтоб в домашнем их быту было сколько можно меньше бедняков.

Вот соображения, полагающие известную черту между доходами войсковой казны и домашними потребностями существования, воспитания и снаряжения казаков.

Рассказ десятый

Степень образованности. – Способы к ней. – Взгляд на воспитание казачки. – Черкесский язык как предмет изучения. – Хаджи Нотаук-Шеретлук

Можно ли ожидать благородных и справедливых дел там, где нет в обращении идей, им предшествующих и их вызывающих, где права и интересы мысли не возбуждают ни в ком сочувствия, где человек, влачась рабски от насущной заботы одного дня к заботе другого, ниспадает до инстинкта животной смысленности и самоохранения?..

Профессор Никитенко.

Поучившись грамоте на медные деньги, мужик берется за книгу Бытия, читает, читает и начитывается, а иногда и «зачитывается»³⁸. Совершив трудное путешествие, с указкой в руке, до последних пределов псалтыри, где начертано: конец и Богу слава, – казак вооружается пером, пишет, пишет и дописывается до чина, или же «записывается». Грамотность в таком роде довольно обширна между черноморскими казаками, и они известны в кавказской армии, как писаки и дельцы. Но эта грамотность, пишущая *без прерываний* и читающая с трудом, точнее должна быть названа письменностью, про которую некоторый писатель пишет: «чернильная ржавчина точит булат, когда-то страшный туркам и татарам». Просто грамотный человек зовется у казаков «письменным», а пишущий с крючками и без прерываний величается «бумажным» человеком. Бумажных людей в войсковых присутствиях, канцеляриях и комиссиях, и даже в станичных правлениях – много, и перья их скрипят неумолимо, мало уступают скрипу ароб, слышному на закубанской стороне; но печальный опыт показывает, что дело скрипу их не боится и совсем не торопится скрыться в мраке архива, что несравненно лучше быть человеком сведущим, чем бумажно-скрипящим, и несравненно полезнее было бы для общества, если бы молодые годы, посвященные скорописанью, мы отдали ученью. Высказывающий эту истину совершенно далек от мысли сказать чрез нее: *несмы якоже прочии человецы*. Нет, – он прямодушно сознает, что создан из персти недостатков своего общества, что он сам – «того же теста кныш». И его мелкое и мелкое самолюбие хватают судороги, когда уважение к истине и любовь к родине, – одной малой, как муравейник, и другой великой, как мир, – предписывают ему не брать на кисть светлой краски для изображения вещи темной. Как же мы сделаемся лучшими и как наше положение делается лучшим, если разумно не сознаем и с честным прямодушием воинов не обличим

³⁸ Явление, известное в простом народе, как болезнь, вроде горячки.

того, что в нас и у нас дурно? Отцы наши думали сами благоденствовать и нам передать обеспеченное благоденствие в одиночку и втихомолку, в отделе от общества и в тени один от другого; но мы ясно видим ныне, как велика была их ошибка. Вместо благоденствия в одиночку, мы наследовали от них убеждение на опыте, что прочное, переходящее из рода в род благоденствие зиждется только в обществе, а общество скрепляется только обогащением ума сведениями и облагородствованием сердца добрыми стремлениями, – образованием и воспитанием. Неуспешный ход дел в местах, где заключена высшая наша умственная и нравственная деятельность, мы взваливаем на штаты, мы обвиняем их в ограниченности. Но если бы штаты вдруг получили способность оправдываться, что бы они сказали, в свою очередь, про нашу ограниченность? Будем же мало-мальски беспристрастны; пусть стихнет самолюбие, этот недобрый северо-восточный ветер нашей доброй, плодотворной натуры, – пусть стихнет и даст нам прислушаться к голосу воспоминаний нашего детства. Слава Богу и Царю-Отцу – теперь не то; но тогда путь к просвещению, что ныне мерцает отчасти в наших канцеляриях и присутствиях, лежал чрез школу приходского дьяка и чрез писарню земского поветья, где наше робкое детское перо погружалось в обломок бутылки, заменявший чернильницу. Не был он длинен, этот путь, но шел по скалистой и крутой стороне Парнаса, и был усеян тернием титл, словотитл и кавык. От цветущей долины первых игр детства до чернильной вершины войскового Парнаса, считалось три поприща: грамотка, часловец и псалтырь. Последний шаг на каждом из этих трех поприщ ознаменовывался триумфом. Школяр, делавший победоносный переходный шаг, являлся в обитель науки в праздничном кафтане и с таким большим, как сам почти, горшком каши, приготовленной с роскошью не в пример обыкновенным кашам. На поверхности горшка возлежали дары наставнику: кусок шелковой материи и медный ключ к дверям дальнейшей грамотности – гривна медных денег³⁹. Это лакомое приношение, как для питомцев, так и для воспитателя, без сомнения, осуществляло изречение, приводимое в пример периода уступительного: хотя корень учения горек, но плоды его сладки. Сблаговолив принять дары и совершив обряд поднятия дароносного отрока за уши, выше стола, с пожеланием: «вот какой расти», учитель повелевал ученикам закрыть книги (что исполнялось с живейшим удовольствием), ставил между невкусной умственной пищей вкусную кашу и погружал в недра символического яства ложку – сам и птенцы его. Яство сие снедалось столь благоговейно, что каждая оброненная из ложки крупинка призывала на небрежно ядущего удар грозной тройчатки, – каковая, для сей именно цели, возвышалась в левой руке наставника над головами детей, как меч Дамокла. Бедные невинные существа получали урок, который, конечно, не удерживался у них в памяти, пока наступало время приложить его к делу, урок, с какой осторожностью и умеренностью надлежит пользоваться благами жизни. По окончании трапезы сам наставник возглашал: «едят убозии и насытятся», и выходил из храма Минервы; за ним в шумном шествии ученики выносили пустой горшок и вешали его на самый высокий кол плетня, охраняющего вертоград просвещения от нашествий невежественных животных. Потом, из того же плетня, запасались они палками, и с расстояния, указанного перстом наставника, разбивали сосуд, еще так недавно улаждавший их вкус. По совершении такого, по-видимому, неблагодарного поступка, будущие казаки бросались подбирать черепки, и кто успел нахватать их побольше, тот вящего устаивался одобрения из уст педагога. И черепки летели в воздух один выше другого: испытывались упругость и метательная сила детской руки. О, где та творческая кисть, которая воспроизвела бы нам сияющий гордым и вместе добродушным самодовольствием лик куренного ментора – корифея и Пиндара этих олимпийских игр, теперь так далеких от нас, казаков стареющего поколения!..

³⁹ Это называлось в старой Франции Minervals. Описываемый обычай мог зайти на Украину, конечно, чрез Польшу. Но замечательно, что этот же горшок с кашей и дарами встречается за Кавказом, в народных школах армян.

И под грубой внешностью этого школьного обряда не была ли сокрыта разумная мысль о необходимости для детей, призванных к славному поприщу военному, о необходимости образования нравственно-умственного, неразлучно и неразрывно с развитием внешним, с образованием гимнастическим?

На таких именно началах учреждена в Черноморском войске с 1849 года гимназия с благородным при ней пансионом. Сверх общеустановленного курса введены в старшие классы войсковой гимназии военные науки, фехтование, маршировка, стрельба, верховая езда и плавание. В зависимости от этого среднего учебного заведения, благодетельно приспособленного к военному призванию общества, существует в Черноморье восемь заведений низших. Из них при двух окружных училищах, в куренях Уманском и Полтавском, учреждены благородные пансионы. Заведение для воспитания детей женского пола предназначено учредить при недавно открытой Мариинской женской пустыни.

Высший класс начинает живо чувствовать потребность воспитания женского пола. Это в естественном порядке и ходе дел. Но как должно быть составлено и направлено общественное воспитание женщины в высшем сословии черноморских казаков? Этот вопрос был затронут и решен еще недавно. При учреждении в Донском войске института для воспитания благородных девиц, в 1850 году, было предназначено в нем до десяти вакансий для дочерей дворян Черноморского войска. Так как дело касалось войсковой казны, из которой должна была производиться плата за черноморских пансионеров, то войсковому начальству сделан был запрос: нужно ли и полезно ли предположенное для дочерей черноморского дворянства институтское воспитание? Тогдашний начальник войска, знавший край и общество, как никто другой, и любивший говорить правду с истинно-военным прямотушием и беспристрастием, отвечал следующим замечательным мнением⁴⁰:

«Дворяне Черноморского войска не обладают недвижимыми имениями, крестьянами населенными, и не имеют никаких фондов, от которых могли получать доходы без личного труда. Напротив, дворянин в Черноморском войске поставлен в обязательство быть лично земледельцем и сельским хозяином, точно так же, как и простой казак, с той только разницей, что первый обязан, соразмерно с большинством своих нужд и потребностей, более трудиться, чем последний: потому-то и для того-то первому дается более земли, чем последнему. В этом и состоит некоторое различие, но отнюдь не отличие в быте дворянина и казака. В сущности же быт обоих одинаков: как тот, так и другой получают только в пожизненное пользование землю, но никаких, кроме личного труда, посредствующих пособий к извлечению для себя пользы из земли».

«Таким образом, беспоместное вообще, дворянство Черноморского войска не имеет других к своему пропитанию и к снаряжениям на службу источников, кроме земледелия и скотоводства, – или, одним словом, сельского, в теснейшем значении, хозяйства: потому что все прочие промысловые статьи в этом краю принадлежат исключительно войсковой казне – источнику удовлетворения нужд войсковых или общественных. Из сего явствует, что дворянин, вне службы, обязан снискивать себе пропитание тем же самым путем, что и простой казак. А как, по роду своей казачьей службы, дворянин часто покидает свое хозяйство и даже свой край, то от этого происходит, что дворянки, или женский вообще пол дворянства, несут большие обязательства по части труда и хозяйства, чем служилый пол мужеский. Уходя на далекую или близкую службу Государеву, здешний казачий дворянин оставляет на единственном попечении своей жены сбережение, поддержание и развитие своего хозяйства, равно как и воспитание детей, будущих казаков Государевых. От трудолюбия и рачительности жены исключительно и безусловно зависит благосостояние дворянина и его семьи.

⁴⁰ Рапорт исправлявшего должность Наказного Атамана Черноморского войска, генерал-лейтенанта Рашипи командовавшего войсками Кавказской линии и Черномории, генералу от кавалерии Заводовскому, от 22 февраля 1851 г., за № 643.

Это показывает насущный опыт. Тот же опыт показывает, что если здешний казачий дворянин, разбогатев, начинает уклоняться от нормального своего земледельческого быта, начинает забывать простоту нравов и образа жизни своих отцов и жить на барскую статью, то в скором времени разоряется, и ближайшему своему поколению оставляет нищету. Все почти войсковые аристократические, богатейшие фамилии 1800-х годов ныне низошли на низшую степень убожества. Не приученные к простоте и трудностям своего быта, потомки таковых разорившихся дворянских фамилий, а по их примеру и многие другие, в позднейшее время недостатки свои расточившие, или же вовсе нажить их не старавшиеся, войсковые чиновники начинают ныне делаться тягостным бременем для начальства и общества. Уклоняясь от своего земледельческого быта, они, вне служебных очередей, не находят употребления своему свободному времени и чрезмерно докучают войсковому начальству просьбами, на словах и на бумаге, о том, чтоб им давали должности в службу, — не для должностей и службы собственно, а дабы в должностях и службе обрести им способы к жизни, за неимением других к тому способов. Это явление, постепенно принимающее обширнейшие размеры, я не знаю — до чего доведет так называемый дворянский здешний класс народа, если класс этот совсем выйдет из своей колеи. Первоначальная же причина этого неутешительного явления кроется в недрах семейств, где священное имя матери и хозяйки утратило свое значение. Вообще мы, казаки, до тех пор только можем быть счастливы для себя и полезны для царских служб, пока наш женский пол не предъявит претензий на барство».

«Все это высказано мною к тому только, чтоб показать особенность назначения женщины в быту дворян Черноморского войска, — назначения, которое прямо и положительно заключается в воспитании и приготвлении здешнего дворянского юношества женского пола для труда, хозяйства и рачительного призрения своих семейств, а не для парадов и удовольствий так называемого изящного света. В таком убеждении, не умозрениями, но действительностью и опытом во мне поселенном, я с глубочайшим благоговением читал в копии отношения Военного Министра к Главнокомандующему Кавказским корпусом от 6 августа 1850 года, за № 678, священные слова Государя Императора: *воспитательное для девиц заведение на Дону должно иметь главнейшею целью образовать для края как бы рассадник благоразумно просвещенных жен, хозяек и, в особенности, матерей, которые, будучи первыми наставницами детей, поселили бы в юных сердцах чувства христианского смирения и благоговения к воле Господней, искреннюю приверженность к православной церкви и неограниченную преданность к престолу; приучали бы дочерей своих к хозяйству, рукоделиям и порядку, согласно с бытом и обычаями казаков*».

«Вот действительное определение назначения женщины в быту народа, которому суждено оружием снискивать воинские доблести, а сохою способы к жизни. Такие христианские качества именно и преимущественно должны быть усвоены сердцам казачек, которые каждый раз, как провожают своих мужей и сыновей на службу, находятся в опасении остаться вдовами и сиротами. И если это было сказано для донцов, которые веками упрочили свое благосостояние, для которых существуют права потомственной земельной собственности, у которых собственного рабочего крепостного народа в полтора раза более, чем всех вообще жителей в Черноморском войске, и которых край находится несравненно в выгоднейшем положении; то тем более должны применить вышесказанное к своему положению и своему быту мы, Черноморцы, которые еще так недавно заселили дикий и негостеприимный край, у которых даже нет других рабочих средств, кроме собственных рук, у которых нет еще ни одного рекомендательного памятника общественного благоустройства. В теперешнем нашем положении и в отношении к тому быту, какой нам Государем Императором указан, дочерям нашим высшего институтского образования не надобно. А тем более не приходится войску, на счет своей казны, которая нужна на другие, существеннее важные предметы, доставлять таковое образование юным казачкам в Донском институте. След-

ственно и предлагаемые для Черноморского войска в том институте вакансии войску сему не нужны. Если же кто из немногих зажиточных здешних дворян пожелает образовать своих дочерей в сказанном институте, таковой волен это сделать на собственный счет. Принимать же на войсковое иждивение образование в оном институте дочерей войсковых дворян – бедных, бесполезно и даже вредно, а богатых несправедливо. Когда же окончательно устроится наша Мариинская женская обитель, в то время, на основании Высочайшего указания, мы будем ходатайствовать об учреждении, под священною сенью той обители, образовательного для нашего казачьего женского юношества заведения на таких началах, какие Государем Императором, в духе истинной мудрости, предначертаны (выше оные изъяснены), и какие нашему домашнему быту, служебному призванию и степени нашей цивилизации действительно соответствуют».

Мнение было принято, и проект об институтском воспитании дочерей черноморских дворян оставлен. Конечно, не будет это мнение забыто и при учреждении воспитательного заведения в Мариинской обители.

Для первоначального обучения детей войскового духовенства существует в городе Екатеринодаре уездное духовное училище, подчиненное Ставропольской семинарии.

Гимназия, с принадлежащими к ней низшими училищами, составляет *Дирекцию училищ Черноморского казачьего войска*, подведомственную попечителю кавказского учебного округа и содержимую на счет войсковой казны, с некоторой добавкой из станичных доходов всех сообща куреней⁴¹.

На счет той же казны войско содержит из детей своего дворянства: 10 воспитанников в отделении восточных языков при Новочеркасской гимназии, 5 в Харьковской гимназии и тамошнем университете, 2 в одной из С.-Петербургских гимназий, 14 в военно-учебных заведениях, 1 в инженерном училище, 2 в лесном институте, 1 в горном и 1 в институте корпуса путей сообщения.

Всех учащихся в заведениях, как в войске, так и на стороне, средним числом 600, собственно казачьего сословия. По числу жителей мужеского пола, того же сословия, приходится один учащийся на 141 человека.

Юные казаки даровиты и восприимчивы, но несколько расположены чувствовать духоту в стенах школы и «тикать» в степь – *faire l'école buissonniere*, может быть, от того, что растут они в одиночку, по глухим хуторам. Мудрому воспитателю предлежит внимательный уход за этими освещенными южным солнцем и рано расцветающими воображениями.

В пансионах при гимназии и двух окружных училищах учреждены особые вакансии для детей мирных черкесских дворян. Мера благотворная и совпадающая с нравами закубанских горцев. У них дети людей, отличенных родом, воспитываются не там, где родились, но на стороне, в чужих семействах, и как можно дальше от родительской нежности. Отец, когда бывает в том ауле, где воспитываются его дети, не войдет в дом их аталыка (воспитателя), если не захочет покрыть себя стыдом.

Школьное сотоварищество казаков и горцев молодого возраста помогает первым изучать язык последних, преподавание которого введено в гимназический курс. Изучение этого языка для черноморских казаков, поставленных в самые близкие и разнородные сношения с горцами, совершенно необходимо. И надобно сказать, что оно вполне доступно только для детского возраста. Язык горцев черкесского или адигского племени очень не богат числом слов, но очень труден для изучения по выговору. Частые придыхания, скудость гласных и огромное стечение согласных букв в слогах – вот что делает выговор его трудным, – для взрослого человека непобедимым. Этот язык без звуков, кажется, создан только для таинственных переговоров листьев прикубанского осокоря с полуночным ветром, да закубан-

⁴¹ Училище в г. Ейске содержится из городских доходов.

ских хищников между собой, когда они располагают ночное нападение. В пример бедности языка приведем осложнение простого слова *ахгхо* — пастух, *иши-ахгхо* — табунщик, *мел-ахгхо* — овчарь, *чем-ахгхо* — скотарь, *кхгг-ахгхо* — свинопас, *бсж-ахгхо* — пчеловод, буквально — *пастух пчел!!* И из подобных, одно к другому за волосы притянутых, слов большая половина языка составлена. Буйвол и петух в одно ярмо заложены. Редкое существительное не в кумовстве и свойстве со всеми остальными существительными, — к чему много способствует малоколичественность слогов в словах — естественное следствие скудости гласных букв в них.

Адигский язык не имеет письменности, и не легко передать все оттенки его звуков, дыханий и шипений посредством какого бы то ни было алфавита. В этом отношении он сродни неудобоизобразимому языку Серединного государства. Однако сделаны уже опыты составления для языка закубанских горцев алфавита и грамматики. В какой степени они удачны, покажет само дело. Но замечательно, что еще задолго до того, как язык Адигского племени обратил на себя внимание ученых, та же мысль — сделать его письменным — занимала долго и глубоко одного природного Шапсуга, жившего в верховье речки Богундыра, среди населения, в превосходной степени разбойнического. Дворянин Хаджи Нотаук-Шеретлук (так звали этого замечательного горца, приятельски известного передающему нижеследующий факт) был старый человек, с обширной и белой, как крыло богундырского лебедя, бородой, с добрым и задумчивым взглядом и, что важнее всего, с миролюбивыми идеями, за которые, как сам сознавался, не был он любим в своем околотке. В ранней молодости совершил он путешествие в Мекку, с своим отцом, который, лишившись двух ребер и одного глаза на долголетнем промысле около русских дорог и хуторов, удостоился скончаться под сенью колыбели ислама, немедленно после поклонения. Оставшись сиротой на чужбине, молодой Хаджи Нотаук приютился в одном из медресе правовернейшего города и там провел пять лет в книжном ученье. Наконец вернулся он на родину и женился. Война, слава, добыча не имели уже для него ни малейшей прелести. Предоставив своей наследственной винтовке ржаветь в чехле, хаджи зарылся в книги и сделался моллой, к удивлению всех, ближних и дальних, уорков. «Клянусь, что, во всю мою жизнь, — собственные слова Нотаука, — я не выпустил против русских ни одного заряда и не похитил у них ни одного барашка». Хоть трудно, а надо верить. Под старость Хаджи Нотаук завел на Богундыре медресе, забывал для него пашню и покос, но видел с прискорбием, что его адигские питомцы, прочитывая нараспев арабские книги, не выносят из них ни одной мысли по той простой причине, что книги те писаны не при них, не на их языке. Тогда сеятель просвещения в богундырском терновнике задумал перевести арабские книги на адигский язык и стал сочинять адигский букварь. Но его долгий и упорный труд был прерван и превращен в пепел странным событием, напоминающим повествование о разбитой чернильнице Лютера, когда он трудился над переводом латинской Библии.

«Долго ломал я свою грешную голову, — личная речь Хаджи Нотаука, — над сочинением букваря для моего родного языка, лучшие звуки которого, звуки песней и преданий богатырских, льются и исчезают по глухим лесам и ущельям, не попадая в сосуд книги. Не так ли гремучие ключи наших гор, не уловленные фонтаном и водоемом, льются и исчезают в камыше и тине ваших прикубанских болот? Но я не ожидал, чтоб мой труд, приветливо улыбающийся мне в замысле, был так тяжел и неподатлив в исполнении. Сознаюсь, что не раз я ворочался назад, пройдя большую половину пути, и искал новой дороги, трогал другие струны и искал других ключей к дверям сокровищницы знаков и начертаний для этих неуловимых, неосязаемых ухом отзвуков от звуков. В минуты отчаянного недоумения я молился. И потом, мне чудилось, что мне пособляли и подсказывали, и утреннее щебетанье ласточки, и вечерний шум старого дуба, у порога моей уны (хижины), и ночное фыркание коня, увозящего наездника в набег. Мне уже оставалось уломать один только звук, на один только

артачливый звук оставалось мне наложить бразды буквы; но здесь-то я и не мог ничего сделать; на этом препятствии я упал и больше не поднимался. Дослушай. В один ненастный осенний вечер тоска меня гнетила, тоска ума, – это не то, что сердечная кручина, – это жгучей и злей. Я уединился в свою уну, крепко запер за собою дверь и стал молиться. Буря врывалась в трубу очага и возмущала разложенный на нем огонь. Я молился и плакал, вся душа выходила из меня в молитве, молился я до последнего остатка телесных сил, и там же, на ветхом килиме молитвенном, заснул.

И вот посетило меня видение грозное. Дух ли света, дух ли тьмы – стал прямо передо мною и, вонзив в меня две молнии страшных очей, вещал громовым словом: Нотаук, дерзкий сын праха! кто призвал тебя, кто подал тебе млат на скование цепей вольному языку вольного народа Адигов? Где твой смысл, о человек, возмечтавший уловить и удержать в тенетах клочок горного потока, свист стрелы, топот бранного скакуна? Ведай, Хаджи, что на твой труд нет благословения там, где твоя молитва и твой плач, в нынешний вечер, услышаны; ведай, что мрак морщин не падает на ясное чело народа, доколе не заключил он своих поколений в высокоминаретных городах, а мыслей и чувств, и песней, и сказаний своих в многолиственных книгах. Есть на земле одна книга, книга книг – и довольно. Повелеваю тебе – встань и предай пламени нечестивые твои начертания, и пеплом их посыпь осужденную твою голову, да не будешь предан неугасающему пламени джехеннема...

Я почувствовал толчок и вскочил, объятый ужасом. Холод и темнота могилы наполнили мою уну. Дверь ее была открыта, качалась на петлях и уныло скрипела, – и мне чудились шаги, поспешно от нее удаляющиеся. Буря выла на крыше. На очаге ни искры. Дрожа всеми членами, я развел огонь, устроил костер и возложил на него мои дорогие свитки. Я приготовил к закланию моего Исхака, но не имел ни веры, ни твердости Ибрагима. Что за тревога, что за борьба бушевала в моей душе! То хотел я бежать вон, то порывался к очагу, чтоб спасти мое умственное сокровище, и еще было время. И между тем, я оставался на одном месте, как придавленный невидимой рукой. Я уподоблялся безумцу, который из своих рук зажег собственное здание и не имел больше сил ни остановить пожара, ни оторвать глаз от потрясающего зрелища. И вот огонь уже коснулся, уже вкусил моей жертвы. В мое сердце вонзился раскаленный гвоздь; я упал на колени и вне себя вскрикнул: джехеннем мне, – но только пощади, злая и добрая стихия, отпусти трудно рожденное детище моей мысли!.. Но буря, врываясь с грохотом в широкую трубу очага, волновала пламя и ускоряла горение моего полночного жертвоприношения. Я долго оставался в одном и том же положении, рыдал и ломал себе руки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.